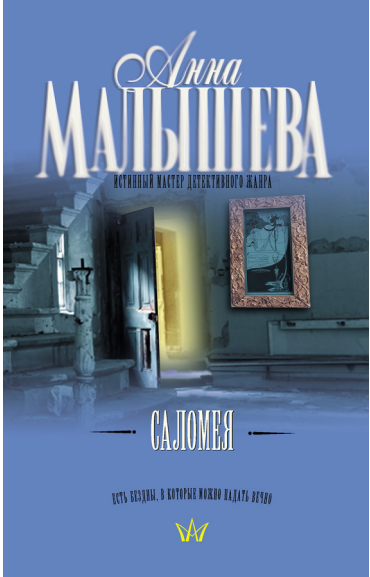

Анна
МАТЫШЕВА

ИСТИННЫЙ МАСТЕР ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ЖАНРА

САЛОМЕЯ

ПЕТЬ ВЕЗДЫ, В КОТОРЫХ ВОЖИМ НАДАТЬ ВОДУ

Анна Витальевна Малышева

Саломея

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4360755
Малышева, А. Саломея: Астрель, АСТ; Москва; 2009
ISBN 978-5-17-061660-2? 978-5-271-25015-6*

Аннотация

Любовь и ненависть иногда бывают очень похожи, особенно, если кому-то вздумалось выдать одно за другое... Молодую девушку обвиняют в жестоком убийстве отчима, с которым у нее были сложные отношения. Все улики против нее, и она так подавлена, что даже не защищается... Однако рядом оказался человек, которому ее вина кажется не такой уж очевидной.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	29
Глава 4	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Анна Малышева

Саломея

Глава 1

Ключ не сразу вошел в замочную скважину. Женщина спешила, нервничала, у нее подрагивали руки. Справившись наконец с тугим незнакомым замком, она приотворила дверь и в последний раз бросила настороженный взгляд на пустую лестничную площадку. Впрочем, подсматривать было некому. Дверь на последнем, девятом этаже, имелась всего одна. Ту, что располагалась напротив, соседи замуровали, когда делали большой ремонт. Их квартира – особой, элитной планировки – имела выход также в следующий подъезд, и они почему-то решили ограничиться им. Эти подробности Михаил сообщил сразу, как только женщина усомнилась, не будут ли за ними следить излишне любопытные соседи.

– А даже если бы кто-то и увидел нас, – мужчина улыбался, пытаясь все обратить в шутку, хотя было видно, что он уязвлен ее нерешительностью, – что тут такого? Теперь не Средние века, в Москве неверных жен живьем в землю не закапывают! Чего ты боишься?

Тогда Елена очень хотела поспорить с ним, доказывая, что причин для опасений множество, но сдержалась, решив, что все они касаются только ее, и делиться ими с человеком, который все еще не был ей очень близок, не стоит. Укололо и то, что Михаил так уверенно заранее на– звал ее неверной женой, хотя пока она мужу не изменила. Он как будто праздновал победу, не сомневаясь в своей власти над женщиной, которая до сих пор ему не принадлежала. «Но ведь мы с ним взрослые люди, и когда мужчина дает женщине ключ от квартиры, где они условились впервые встретиться наедине, оба понимают, чем все закончится. Особенно если муж этой женщины на несколько дней уехал в командировку...»

Все очень походило на анекдот, слагаемые банальной супружеской измены были налицо, но Елена не могла заставить себя даже улыбнуться, увидеть в этой ситуации смешную сторону. Ей в самом деле было страшно, и ключ она приняла только после долгих колебаний... Но в тот миг, когда сжала его в кулаке, крепко, так что скрипнула кожа новенькой перчатки, поняла – на свидание придет обязательно.

И вот Елена стояла на пороге квартиры, чутко прислушиваясь к тишине, царившей на лестнице, – удивительной тишине, даже если учесть, что в это время все взрослые обитатели дома должны быть на работе. «Но ведь есть еще маленькие дети, их матери, бабушки и дедушки, собаки, с которыми надо гулять, и бог знает кто еще! А здесь так тихо, будто все вымерло. Хоть бы музыка послышалась где-то или дрель, на худой конец...»

Елена выругала себя за излишнюю мнительность и переступила наконец порог квартиры. Закрыла дверь и с трудом удержалась от желания припасть ухом к косяку и снова прислушаться. «Так можно с ума сойти! Не думаю ведь я, что Руслан за мной следит!»

Она и правда не подозревала мужа в слежке, больше того – пришла к убеждению, что от него вообще ускользнули перемены в ее настроении. Он был так поглощен работой, что женщине становилось жутко, когда поздно вечером, за ужином, она встречала его остекленевший, невыразительный взгляд, взгляд смертельно уставшего человека. Елена торопливо спрашивала, нравится ли ему еда, муж изумленно опускал глаза в тарелку, будто впервые обнаружив, что на ней имеется что-то, кроме узоров, и кивал: «Да, хорошо, прости, задумался...» После ужина он неохотно тащился в душ, вернувшись, падал на постель и полчаса все тем же остекленевшим взглядом смотрел в экран телевизора. Это было единственное время, когда они могли бы общаться, но, зная, как он устал, Елена никогда к нему не присоединялась, ни о чем не расспрашивала. Засыпал Руслан незаметно – для себя и для нее.

Просто в какой-то момент, заглянув в спальню, Елена слышала прерывистый, свистящий, тоже будто замученный храп и выключала телевизор.

Все это с маниакальной точностью, из вечера в вечер, повторялось последние несколько лет. У Елены появилось и уже не исчезало ощущение, что она мужу попросту не нужна. Руслан каждый раз как будто удивлялся, выходя из своего вечернего ступора и натываясь на нее взглядом, и в этом удивлении совсем не было радости. «Рядом с ним могла быть любая другая женщина, и он бы не протестовал... – Такие крамольные мысли не раз приходили ей в голову, в те тягостные вечера, когда они с мужем едва обменивались парой слов. – Приносил бы ей деньги, бормотал что-то при встрече вечером и на прощание, по утрам...» Единственной темой, на которую они с мужем продолжали разговаривать более или менее связно, был сын, девятилетний Артем. Год назад отец неожиданно проявил инициативу и устроил мальчика в футбольную школу, из-за чего ребенку пришлось переехать за город и жить в интернате. Первой реакцией Елены было резкое возмущение, потом, когда она убедилась, что сын от такого переезда в восторге, ни на что не жалуется и почти не скучает, женщина заняла выжидательную позицию. Тренер хвалил Артема, школьная успеваемость у него, вопреки ожиданиям матери, не снизилась, а здоровье от постоянной беготни на воздухе даже значительно укрепилось. Но Елена все ждала, когда настанет момент ее триумфа, и ей в объятья бросится зареванное, несчастное чадо, умоляющее забрать его домой. Она уже сама не понимала, чего тут было больше – оскорбленного разлукой материнского чувства, глухого раздражения против мужской солидарности, тревоги и тоски по сыну... Сознание собственной ненужности усугублялось каждый раз, когда она приезжала в школу и убеждалась, что сын вполне счастлив. Ездил Елена часто, благо, дорога не отнимала больше часа на машине. Ездил, пока однажды сын, оглядываясь через плечо на дико орущих товарищей, гоняющих мяч по растоптанному мокрому полю, не попросил ее:

– Ма, в другой раз приезжай в воскресенье, ладно?

Был вторник. Так, одной фразой, сын зачеркнул свидания в четверг и в субботу. Этот график – четыре посещения в неделю – Елена соблюдала свято и жалела о том, что не может приезжать каждый день, иначе не осталось бы времени на домашнее хозяйство. На обратном пути она плакала, вцепившись в руль и почти не видя дороги. Это было тем более опасно, что где-то впереди случилась авария, отчего машины на шоссе сгрудились безобразной кучей и медленно ползли в сторону центра. Тут приходилось смотреть в оба, особо нервные и торопливые водители резко меняли ряды, не всегда при этом включая поворотники. Елена уже никуда не спешила. Она вытерла глаза бумажным платочком, скомкав, швырнула его под ноги и с неожиданной злостью поклялась отныне жить для себя, понравится это кому-то или нет.

Судьба как будто подслушала это обещание, данное сгоряча и назло. В ближайшие десять минут женщина с трепетом обнаружила, что у нее перегревается мотор. Машину давно следовало показать в автосервисе, знакомый мастер предупреждал, что на низких скоростях, в пробках, могут быть проблемы, но у Елены руки не доходили заняться своей верной шестилетней «девяткой», кстати, ни разу всерьез не ломавшейся. И сейчас она с тревогой следила за датчиком температуры двигателя. Судя по цифрам, температура становилась критической. Когда из-под капота показался сизый дымок, женщина чертыхнулась. В таком переплете ей еще бывать не доводилось – час пик на битком набитом шоссе, где-то впереди крупная авария, из-за которой машины вынуждены тащиться по трем полосам вместо четырех, да тут еще всем придется объезжать ее задымившуюся «девятку»... Елена включила аварийку, заглушила двигатель и, выскочив наружу, открыла капот. Она старалась не слушать эпитетов, которыми сыпали водители, пытавшиеся объехать ее справа, – как назло, она перекрыла крайний левый ряд, который до сих пор еще как-то двигался. Тот октябрьский

день выдался теплым, стекла в окнах были опущены, так что женщина волей-неволей слышала все, что о ней говорили.

«Ну конечно, будь на моем месте мужчина, ему бы сочувствовали, а тут только и шипят: “Баба, баба!” Как будто только у женщины могло такое случиться!» Она уже собиралась вернуться в машину, чтобы снова взглянуть на датчик температуры, когда вдруг обнаружила, что рассматривает двигатель не одна. За спиной стоял мужчина лет сорока, одетый очень легко, не по погоде – в шорты и полосатую футболку. Его красный спортивный автомобиль замер позади «девятки», и Елена, внутренне содрогнувшись, приготовилась услышать что-то неприятное в свой адрес. Однако мужчина понимающе кивнул, встретив ее жалобный взгляд:

– Гидромуфта полетела?

– Скорее всего, – она оглянулась на открытый капот. – Мне механик это предсказывал, советовал заменить, но все не было времени...

– Что ж, будете ждать, когда двигатель остынет, или эвакуатор вызовете? Все равно, далеко не уедете.

– Голова кругом. – Елена растерянно оглядела медленно ползущий поток машин. Но он уже не вызывал у нее такого ужаса, дружеское участие случайно встреченного человека разом сняло стресс. – Сперва все же попробую выбраться на обочину, а там погляжу... Может, доползу до автосервиса.

У нее не было никакого желания оплачивать услуги эвакуатора, с деньгами в семье в последнее время было не густо. Свекровь попала в больницу, и ее лечение обходилось дорого, спортивная школа сына тоже все время требовала расходов. Подросли платежи по нескольким кредитам, дамокловым мечом висел ремонт в ванной, о котором супруги говорили уже несколько лет и на который никак не могли решиться... Елена криво улыбнулась, представив, какую брешь пробьет в бюджете эта авария. Случайный знакомый будто прочел ее мысли и неожиданно предложил:

– Хотите, позвоню приятелю, он как раз эвакуирует машины? Мне он кое-что должен, так что ваше авто доставит в ремонт бесплатно.

– Это... – растерялась Елена, сраженная его великодушием, – ...было бы даже слишком хорошо! Но как-то неловко, мы даже не знакомы...

Она что-то еще мямлила, твердя какие-то не свои слова, будто повторяя истины, которые когда-то внушала ей мать, – не принимать подарков от незнакомых мужчин, не знакомиться на улице, не, не, не... И вдруг, когда женщина внезапно вспомнила свое детство и юность, задушенные сухими правилами и строгими запретами, ей стало так обидно и горько, будто она обнаружила, что ее обокрали. Мужчина, который стоял рядом и выжидающе на нее смотрел, явно не был маньяком и вряд ли относился к категории хамов, которые требуют весьма определенной платы за добрые услуги. Он просто хотел помочь. Елена прочла это на его лице, удивительно открытым и приятным.

– Ну, так что? – весело переспросил тот, видя ее колебания.

– Знаете, я согласна. – Решившись, Елена почувствовала себя легко, словно ее вдруг освободили от старого, мучительного долга. – Нужно признать честно, сама я не справлюсь!

Следующий час она провела, сидя в машине Михаила – так звали ее спасителя. В ожидании эвакуатора они болтали – сперва о машинах, потом об идиотах на дорогах, а после вообще обо всем, что приходило в голову. Елена не могла припомнить, когда и с кем так быстро находила общий язык. Это было удивительное чувство, она будто встретила старого хорошего друга, скажем, сокурсника или одноклассника, с которым и прежде могла обсуждать любые темы и делиться проблемами... Да только такого друга мужского пола у нее в прошлом не было, а единственная подруга, с которой Елена могла пооткровенничать,

недавно в очередной раз вышла замуж, впервые забеременела и теперь была слишком занята собой.

– Странно, я как будто давно вас знаю! – уже спустя полчаса вырвалось у нее. Невольное признание не смутило Елену, вообще смущавшуюся очень легко, и это тоже не вписывалось в норму.

Михаил рассмеялся:

– Вообще-то так и есть. Не удивляйтесь! Мы с вами ездим по этой дороге в одно и то же время уже... дай Бог памяти... с апреля! Я даже вычислил дни, когда вас вероятнее всего встретить в пробке – по выходным или во вторник, вот как сегодня...

– Или в четверг, – разом помрачнев, добавила Елена. – Да, верно, я, начиная с марта, ездила за город в эти дни. Но теперь не придется так часто.

– Извините за любопытство, что-то случилось? Вы прямо в лице переменялись!

– Ничего, – сухо ответила женщина. И, поколебавшись, добавила: – С ребенком проблемы.

Ей думалось, что этим заявлением она сразу выстроит некую дистанцию между собой и мужчиной, который явно испытывал к ней интерес. Вышло иначе. Михаил, ничуть не смутившись ее резким тоном, поддержал тему и признался, что тоже испытывает трудности, общаясь по выходным с дочерью-подростком.

– Я ведь воскресный папа, а это, знаете... нечто вроде условно освобожденного преступника, – горько пошутил он. – Тебя все время подозревают в чем-то, никак не угодишь. То мало любишь дочь, то слишком ее балуешь, то зачем такие дорогие подарки, то где обещанные деньги на теннисную секцию... А в общем, чувствуешь себя просто дойной коровой, и девчонка, что обидно, смотрит на тебя так же.

Разговор на интересную тему прервало прибытие эвакуатора. Он полностью перекрыл движение, и Елена пережила несколько особенно неприятных моментов, чувствуя себя главным лицом дорожной драмы, которую представляет собой любое подмосковное шоссе в час пик. Однако все было кончено в считанные минуты. «Девятка» отправилась в мастерскую, а Елена, горячо благодарившая своего спасителя, вновь приняла его помощь и предложение подвезти до дома. Они обменялись телефонами на прощание. Пригласить нового знакомого на кофе женщина не решилась, так как увидела во дворе машину Руслана. В тот день он, против обыкновения, вернулся с работы рано. Михаил, впрочем, тут же понял эту заминку и легко предложил встретиться еще раз, в более спокойной обстановке.

Елене с самого начала казалось неловким в чем-то ему отказывать, как-никак, их знакомство началось с того, что Михаил оказал ей крупную услугу. К счастью, мужчина ни на чем из ряда вон выходящем не настаивал. Первое свидание прошло в модном кафе, куда Елена никогда не заглянула бы по собственной инициативе. И не только из-за бешеных цен. Она всегда побаивалась заведений, где все к чему-то обязывает – «креативный» интерьер, живая музыка, скорбные лица официантов. Ей было непросто отвлечься от обстановки и поддержать беседу. Кавалер заметил это, и следующую встречу назначил в менее пафосном месте. Он был внимателен, и это подкупало. Не торопился сам и не торопил ее, и Елена была рада, что ей не приходится вдаваться в неловкие объяснения, почему она не может лечь в постель с едва знакомым человеком, хотя он ей и нравится.

Михаил не просто нравился ей, он с каждым днем занимал все большее место в ее мыслях, и она уже ничего не могла с собой поделать. Женщине казалось, что этот процесс идет сам собой, нарастая, подобно снежному кому, катящемуся с горы, а ей оставалась только роль наблюдателя, почти постороннего. Она уже понимала, что где-то впереди маячат неизбежные последствия этого увлечения – супружеская измена, и с ней – скандалы, ссоры, даже (немыслимое!) развод. Руслан не был ревнивцем, да и попросту слишком уставал, чтобы

следить за женой, но и он не мог не заметить, что в последнее время Елена изменилась. Даже как-то спросил за ужином, повергнув жену в немалое смущение:

– Что с тобой случилось?

– С чего ты взял? – нервно возразила она, отворачивая вдруг загоревшееся лицо. Это было перед Новым годом, Елена как раз обдумывала, что купить в подарок Мише, и не сразу услышала обращенную к ней просьбу мужа подать на стол горчицу.

Они с Михаилом давно перешли на «ты», счет свиданиям перевалил за второй десяток, но на этом отношения словно застопорились. Накал взаимного интереса лишь возрастал, но развязка отчего-то не наступала. Михаил не форсировал события, Елена и подавно не стремилась что-то менять. Ей было страшно перейти к решающей стадии романа, как будто это могло роковым образом нарушить установившееся равновесие. Женщине нравилось, что за ней ухаживают, она с удовольствием отмечала все признаки влюбленности, которые демонстрировал ее приятель... Но сделать последний шаг не решалась.

А вот подарок Елена хотела подарить такой, чтобы он запомнился и ясно сказал об ее чувствах. Но что и как подарить человеку, который с каждым днем становится тебе все дороже? Елена сама не понимала, что ценит в нем больше – потенциального любовника или уже состоявшегося друга? Да, он уже стал ее настоящим другом, знал о ней все, с готовностью выслушивал самые длинные истории и давал нужные советы. Самым восхитительным было именно его умение слушать. В самом ли деле он интересовался ее жизнью, или умело делал вид, чтобы завоевать тем самым доверие, – это не имело значения. Главное – такой человек в ее жизни наконец появился, и женщина понимала, как отчаянно ей прежде его не хватало.

– Ты стала какая-то странная. – Намазав горчицей и прожевав очередной кусок бифштекса, муж снова испытующе взглянул на нее. – Улыбаешься часто, думаешь о чем-то, не слушаешь... ты не беременна, а?

Вопрос вызвал у Елены судорожный смех, и она не сразу остановилась, чем даже обидела Руслана. Успокоившись, женщина объяснила, что ее смешит вовсе не перспектива второй раз стать матерью его ребенка, а само предположение, что она могла решиться на это в тот миг, когда...

– Ты же сам знаешь, как нам сейчас непросто. – Елена не лгала, но при этом чувствовала себя отъявленной вруньей, глядя в глаза мужу. – И твоя мама больна, и эти кредиты... И для Артема все время нужны деньги. Мальчику всего девять лет, а уже столько расходов!

– Ты что, жалеешь о деньгах, которые мы на него тратим? – разом ошетинился муж. Он мечтал о спортивной карьере для сына, о карьере, которая когда-то не состоялась у него самого, из-за того, что против был его отец, человек очень жесткий и не терпевший «лишних» расходов. К таким расходам ныне покойный свекор Елены причислял и занятия спортом, отчего Руслан, как он сам мрачно шутил, был обречен устанавливать и настраивать телевизионные антенны, чтобы люди могли смотреть футбол, вместо того чтобы самому гонять мяч по зеленому полю.

– Денег не жалко, – отмахнулась Елена. – Сам знаешь, для ребенка я готова на все. Но... У тебя не бывает ощущения, что мы погрязли в какой-то трясине? Мне вот всего тридцать два, а я чувствую себя иногда старой-престарой, особенно вечером, после работы. Ты молчишь, я молчу, оба смотрим в телевизор... Ребенок далеко, уже зажил своей жизнью, и совсем непонятно, зачем мы с тобой тут сидим и порастаем мхом, как два гриба? Обидно...

После краткой паузы, на протяжении которой он что-то обдумывал, Руслан авторитетно заявил:

– Понятно, это Лерка тебя настраивает. У нее-то до сих пор свободного времени много было, все девчонкой прикидывалась, возраст скрывала! А как родила, так вспомнила про свои тридцать два? Кстати, как она там? Не развелась еще?

Подругу жены Руслан терпеть не мог и ругал при каждом удобном случае. Он считал ее пустой и склочной особой, никак не годящейся в друзья, та платила той же монетой, не раз уверяя Елену, что она могла бы выйти замуж намного удачнее. «Настройщик антенн – что за муж для такой женщины, как ты? – возмущалась Лера. – Ты же писала стихи, ходила по выставкам, умела о чем-то мечтать! А теперь, посмотри на себя! Кто ты? Продавец-консультант в магазине-салоне для рукоделия! Продаешь бахромку, кружева и всякие прочие пуговицы! Это даже не профессия!»

Нападки подруги не слишком задевали Елену, потому что свою работу, при всем ее однообразии, та все же любила. Она сама отлично шила, умела мастерить разные вещицы из лоскутков и ленточек и считала, что это вполне женское дело – продавать тесьму, кружева и «прочие пуговицы».

– Неужели ты думаешь, что я стала бы поэтессой? – только и возражала она, когда Лера заходила в своих критических нападках слишком далеко. – Это тоже было, в своем роде, рукоделие. Хорошо, я вовремя это поняла и не сделалась посмешищем... Вот что в самом деле стыдно – называть себя поэтом, подписываясь под какими-то корявыми виршами, и ходить на сборища таких же гениев-не-удачников.

– Договаривай уж, – Лера бросала на подругу обиженный взгляд. – На меня намекаешь?

И после этого сама сворачивала разговор с опасной темы, понимая, что правда не на ее стороне. Лера до сих пор упорно писала стихи, которые публиковала в самиздатовских сборниках, посещала поэтические вечера, о которых так нелестно отзывалась Елена, и даже нашла там первых двух мужей – естественно, поэтов. Правда, в третий раз она все же вышла замуж не за коллегу по цеху, а за водителя такси, который как-то отвозил ее с очередного вечера. Этот скоропалительный брак, по мнению Елены, обещал быть более прочным, чем предыдущие. Супруги оказались настолько разными людьми – и по вкусам, и по воспитанию, и по темпераменту, что неизбежно должны были продержаться вместе долго. Когда-то по этому же рецепту она выстроила собственное семейное счастье... Которое теперь утратило для нее цену.

Тот предновогодний разговор с мужем Елена потом вспоминала не раз. Это был единственный шанс поговорить по душам, причем первый шаг сделал Руслан. Елена же отделалась банальной ложью, обратила все в шутку, у нее даже мысли не мелькнуло, что тем самым она ставит все точки над «и». Ей больше не нужна была ни правда, ни откровенность, она уже не хотела ничего спасать и улучшать. Ей стало попросту неинтересно возиться, заново собирая из обломков уже знакомую картинку семейной жизни. Новое счастье ожидало рядом, нужно было только набраться смелости...

Их последнее свидание перед Новым годом вновь кончилось ничем. На этот раз Михаил был настойчивее, звал ее к себе домой – выпить кофе и посмотреть какой-то фильм, который он давно искал и вот скачал минувшей ночью из Интернета. Елена нерешительно кусала губы и в конце концов отказалась. Тогда мужчина не выдержал:

– А тебе не кажется странным, что я вот уже три месяца ухаживаю за тобой, а все еще не продвинулся дальше прощального поцелуя в машине? Чувствую себя каким-то подростком-неудачником, которому морочит голову одноклассница! Или я чего-то не понимаю? В чем дело, скажи?

– Я...

– Если я тебе неприятен, – на этот раз Михаил не пожелал дослушать, что было новостью, – зачем приезжаешь на свидания? А если нравлюсь, то за чем остановка? Мы взрослые люди, так?

– Да, но для меня это не так просто! – Ей удалось наконец вставить слово, она разволновалась и бессознательно терзала сжатую в пальцах салфетку. Разговор происходил в

очередном ресторане, Елена уже давно потеряла им счет и перестала обращать внимание на обстановку. – Я никогда не изменяла мужу! Для кого-то это пустяк, а я...

– Милая, все переговорено десятки раз. – Перегнувшись через столик, мужчина поймал ее пальцы, и они безвольно разжались, выпустив скомканную накрахмаленную ткань. – Я все понимаю и ценю. Твои переживания в особенности. Но пойми и ты, мне надоело ждать! Знаешь, игра, которую мы с тобой ведем, интересна только для женщины. Мужчина всегда ждет, когда вся эта чепуха закончится и начнутся настоящие отношения.

– То есть секс? – Елена грустно улыбнулась, встретив его напряженный взгляд. – Ну да, конечно, сама знаю, что вывожу тебя из терпения. И я даже не испытываю тебя, нет. Просто боюсь чего-то.

– А может, кого-то? Мужа?

Она мотнула головой и убрала руку, положив ее на колено.

– Не знаю, правда. Но у меня нехорошее предчувствие... И если мы с тобой сойдемся, долго сохранять тайну не получится.

– И что же тогда будет, что же будет? – Он комически воздел руки к потолку, имитируя жест отчаяния. – Катастрофа, конечно!

Они все же не поссорились в тот вечер. Михаила растрогал подаренный Еленой золотой ангелочек – очаровательная и очень дорогая елочная игрушка, придиричливо выбранная накануне в престижном торговом центре. Покупая ее, женщина ощущала себя преступницей. Она тратила на ерунду, как сказал бы муж, стоимость пары кожаных сапог, но для нее это был своеобразный жест отречения от того серого быта, который безжалостно пожрал последние годы ее жизни. Михаил, в свою очередь, сделал еще более дорогой подарок, принять который стоило ей некоторых усилий. Обнаружив в бархатной коробочке аметистовое сердечко на тонкой золотой цепочке, Елена восхитилась и смутилась одновременно. Такое мог подарить только любовник, но ведь любовниками они все еще не были...

– Не начинай отказываться, – предупредил Михаил. – Знаю я твою милую манеру! Тебя, наверное, воспитывали очень суровые родители, вбили в голову, что ничего хорошего ты недостойна!

– Правда. – Елена повесила на шею кулон и погладила мгновенно потеплевший аметист кончиками пальцев. – Но ты меня от этого отучаешь понемногу. Я скоро решусь назначить настоящее свидание... Только не торопи, ладно?

И Михаил согласился подождать.

Пауза растянулась еще на три месяца. Зима выдалась очень тяжелой для Елены. Простудился и заболел Артем, дело обернулось пневмонией. Его положили в больницу, и Елена практически жила там, наслаждаясь вновь обретенным общением с сыном. Ослабевший от болезни мальчик стал прежним – ласковым, доверчивым, бросил новые грубые замашки и тянулся к матери. Тем более отец приезжал к нему нечасто – его собственная мать, долго и тяжело болевшая, уже не покидала онкологического отделения, требовала все большей заботы и в конце февраля неожиданно, в одночасье, скончалась, хотя врачи предрекали ей еще как минимум год мучений.

К попыткам выразить соболезнования Руслан отнесся так агрессивно, что Елене показалось, будто он от горя сошел с ума.

– Да что ты прикидываешься огорченной, ты же ее никогда не любила! – рывкнул он, сбрасывая с плеча руку жены.

– А я и не обязана была ее любить, – отступила обиженная женщина. – Но я ее уважала, и мы ладили. Хорошо, не будем говорить об этом. Я понимаю, тебе тяжело.

Тогда же, в конце февраля, Руслан устроился на вторую работу и почти перестал бывать дома. Теперь он часто ездил в командировки, и Елена сутками оставалась одна. Выздоровевший сын вернулся в интернат и с упоением нагонял упущенное на тренировках. За время,

проведенное в больнице, мальчик вырос на полголовы, разом возмужал и стал говорить солидным баском, смешившим мать. Как ни странно, она отпустила его без прежней тревоги. Елена убедилась, что сын действительно нуждается в самостоятельности и уже представляет собой личность, твердую в своих желаниях и решениях. И это окончательно развязало ей руки. Когда Михаил в очередной раз позвонил и уже без всякой надежды спросил, могут ли они в ближайшее время увидеться, она вдруг, сама себе поражаясь, произнесла:

– Да, и знаешь, ну их, эти рестораны. Пора устроить настоящее свидание.

– Мадам, неужто вы наконец поняли, что я не маньяк? – Михаил попытался принять шутовской тон, но было слышно, как он взволновался. – Не передумаешь? Не верится как-то!

– Будешь издеваться, передумаю, – пригрозила она. – Только вопрос, где встретимся? У меня исключено, я все время буду дергаться.

– Мне бы тоже не хотелось разыгрывать сценку из анекдота, как муж вернулся из командировки, – все еще шутливо подхватил Михаил. – Давай тогда у меня?

– Ты ведь живешь один? – уточнила женщина, хотя уже успела это вывести.

К слову, о себе и своей прежней семье Михаил говорил очень неохотно, как будто эта тема портила ему настроение. Елена знала лишь, что развод стоил ему большой крови, жена наняла отличного адвоката, который всеми правдами и неправдами произвел такой раздел имущества, что Михаил остался практически на бобах. Правда, в понимании Елены эта «нищета» была настоящим благополучием. У ее приятеля осталась квартира в престижном районе Москвы, новый спортивный автомобиль и какие-то деньги в банке. Утрачен, по его словам, был загородный особняк и еще родительское жилье в историческом центре. Все это она слушала, как некую сказку о жизни, которой сама никогда не жила и жить не надеялась. У нее самой за плечами была коммуналка, а у Руслана, еще в детстве приехавшего с родителями из Набережных Челнов, и вовсе – комната в рабочем общежитии. Нынешняя панельная «двушка» в спальном районе была пределом их мечтаний и возможностей, и только ближайшие родственники знали, ценой каких трудов и лишений она им досталась.

– Один? Разумеется! Значит, у меня! Нужно будет только немного прибраться. – Михаил поверил наконец в серьезность ее намерений и заговорил деловым тоном: – Знаешь, когда мужчина живет один, квартира ни на что не похожа.

– Я не буду прибираться, – улыбнулась Елена.

– Все же не хочется выглядеть в твоих глазах свинтусом, – возразил тот. – Завтра вызову на дом клининг, они отдраят эту берлогу, и тогда назначим день. Обычно я приглашаю уборщиков раз в полгода, когда самому становится противно там появляться, но ради тебя готов наводить чистоту хоть каждую неделю!

– Ну, и кто из нас сейчас тянет время? – невольно съязвила она. На самом деле, ей было даже лестно, что Михаил так ревностно готовится к их встрече, смешило только, что этот долгожданный момент все время откладывается.

И вот вчера, встретившись с нею в городе, мельком, Михаил передал ключ от квартиры. Всего один ключ – это ее удивило. Сжав его в кулаке, Елена склонилась к открытому окну машины и остановила взявшегося за руль мужчину вопросом:

– А что, у тебя всего один замок?

– Что? – высунулся тот наружу. – Прости, не расслышал?

– Я попаду в квартиру с одним ключом? – переспросила Елена. – А как в подъезд?

– В подъезде сидит консьержка, отличная тетенька. Скажешь, куда идешь, она тебя впустит. А дверь я закрою только на верхний замок, извини, других дубликатов нет. Все-все, пока!

Торопливо чмокнув воздух, Михаил поднял стекло и тронул машину с места, так что женщине пришлось отступить обратно на тротуар, глядя ему вслед.

Это свидание на лету оставило неприятный осадок. Сперва Елена усомнилась, не рано ли сдалась, потом испугалась, что, напротив, слишком затянула с этим решением. «Может, он успел перегореть, остыть, и теперь я его совсем не так интересую, как раньше? Мужчины не любят долго ждать, за исключением мазохистов... Если так, я последняя дура! Такого человека больше не встречу, так и буду вариться в этом кислом супе, в который превратилась моя жизнь!»

Вечером она зашла в парикмахерскую и впервые за последние годы не только постриглась, но и попросила сделать укладку. Знакомая парикмахерша поинтересовалась, по какому случаю торжество?

– Начинаю новую жизнь, – туманно ответила Елена.

– Правильно, – поддержала та, на миг прекратив ожесточенно чиркать ножницами и сбрызгивая из пульверизатора неподатливую прядь. – Под лежащий камень вода не течет. У меня вот сестра сидела, сидела до тридцати пяти в девках, прямо мхом поросла, и с горя записалась в секцию йоги. Что вы думаете, через месяц нашла себе там мужика, непьющего, некурящего, здорового! Через полгода замуж вышла, сейчас беременная ходит. Стоило-то всего шаг в сторону сделать, и счастье вот оно, оказалось, рядом!

Елена не стала отвечать, благо словоохотливая парикмахерша сама прекрасно поддерживала беседу, болтая за двоих. Она еще что-то рассказывала про везучую сестру, а женщина думала о своем, удивляясь, как мало, в самом деле, нужно для того, чтобы жизнь кардинально изменилась. Пробка на шоссе, неисправная машина, растерзанное настроение, в котором она приняла помощь незнакомого человека... Случись все на пару дней раньше, и она отказалась бы от предложения Михаила, позвонила бы мужу и ждала его в пробке, перекрыв полосу и подняв стекла в окнах, чтобы не слышать пронзительных гудков и не видеть злобных взглядов объезжающих ее водителей. «Как мимолетно счастье, как легко его не заметить, потерять! Я думала, что со мной уже никогда ничего не случится. Пасьянс сошелся – муж, ребенок, работа, все, как у людей. И вдруг появляется новая карта, которую совершенно непонятно, куда класть, и расстраивает мне все дело! И я просто счастлива, что так получилось!»

С нее сняли нейлоновую накидку, обмахнули лицо кисточкой, и Елена, очнувшись, увидела в зеркале преображенную себя. Она всегда стриглась в спортивном стиле, коротко, но сейчас укладка придала ее облику нечто новое. Из глубины зеркала на нее смотрела удивленная молодая женщина. Ее голубые глаза были расставлены очень широко, что придавало взгляду мечтательность. Короткие каштановые пряди волос отливали на свету темным золотом, открытая шея казалась тоньше и моложе, маленькие пухлые губы неуверенно улыбались... Внезапно Елена увидела себя заново, со стороны, и поняла, почему Михаил так терпеливо ждал полгода, вместо того чтобы завести роман с более доступной и менее щепетильной женщиной. «Он влюбился, что тут странного? – сказала она себе, поворачиваясь перед зеркалом и пытаясь разглядеть профиль. – В меня можно влюбиться, теперь сама вижу. А я чуть не забыла, что еще молода, красива, могу нравиться... Если бы не Миша – кто бы мне сказал комплимент? Руслан? Для него все – «ерунда, пустяки».

Вечером она созвонилась с сыном. Мальчик говорил торопливо, отрывисто, ему было не до матери, он играл с друзьями. Женщина давно забыла свои обиды, сейчас самостоятельность подросткового ребенка даже радовала Елену. Завести роман, имея на руках беспомощного цыпленка, каким она прежде считала Артема, было бы невозможно. Мужу она тоже пыталась позвонить, больше для очистки совести, но его телефон не отозвался. Руслан уехал в другую область, монтировать оборудование в новом коттеджном поселке, затерянном в лесах, и вполне вероятно, связь там просто отсутствовала.

«Ну и пусть, тем лучше!» – сказала она себе, ложась в постель и привычно нашаривая в складках одеяла пульт. Телевизор – единственное, что хоть как-то скрашивало тоскливые

долгие вечера, когда им с мужем не о чем было говорить. Он оставался включен почти все время. Общение мужа и жены сводилось к ленивой борьбе за обладание пультом, так как передачи они предпочитали разные. Елена впервые задумалась, а не отгородились ли они друг от друга большим плазменным экраном, – даже сама сумма, которую выложили за эту покупку, говорила о многом. Так, тяжело больной человек без рассуждений тратит внушительные средства на новые, дорогие лекарства, надеясь, что они его спасут от неизбежного... Телевизор в самом деле часто их выручал. Вечно бубнящий яркий экран убирал из их жизни необходимость говорить друг с другом, выступал в роли посредника, предлагая свои темы для обсуждений и сглаживая конфликты, которые неизбежно возникли бы, окажись муж с женой лицом к лицу. «Удивительно, как Руслан вообще заметил, что я стала “какая-то странная!”»

Она убрала звук и уснула незаметно для себя, убаюканная мерцанием экрана, где безмолвно шло какое-то шоу. Очнулась только глубоко ночью, выброшенная из кошмара собственным криком.

Сев на постели, Елена судорожно вонзила пальцы в растрепавшиеся волосы, напрочь забыв об укладке. Сердце билось так, что удары отдавались в горле, во рту появилась сухая горечь. Бросив дикий взгляд на экран, женщина с трудом перевела дух и выключила телевизор. Комната погрузилась в темноту. Елена торопливо протянула руку, пошарила по тумбочке, и спустя секунду красный абажур ночника наполнился мягким светом. Встав с кровати, она подошла к окну и открыла форточку. Сырой мартовский воздух, в котором уже ощущалось дыхание весны, медленной волной потек в душную комнату.

Все действия женщина проделывала машинально, вслепую, не в силах избавиться от страшной картины, все еще стоявшей у нее перед глазами. Обычно она не запоминала сны, но этот врезался в сознание как сигнал тревоги, и этот сигнал все еще звучал, терзая ей нервы. Сон был тем более страшен, что имел много общего с действительными событиями.

Ей приснилось шоссе, по которому она ездила в гости к сыну, и пробка, обычная для вечернего часа. У нее снова что-то не ладилось с машиной, но «девятка» на этот раз не дымилась, а медленно ползла, прокладывая себе дорогу среди каких-то грузовиков. Пробка, в сущности, вся и состояла сплошь из грузовиков, как заметила во сне раздосадованная Елена. Бесконечные фуры тянулись справа и слева, они зажимали ее машину, оставляя лишь крохотную щель для проезда, но та каким-то чудом все же двигалась. И вдруг женщина резко ударила по тормозам, увидев прямо перед капотом человеческую фигуру. Темная бесформенная масса тут же сползла ей под колеса. Липкий ледяной ужас наполнил вены, заменяя собой кровь. «Сбила человека, убила!» – стучало у нее в висках. Елена, задним умом понимая, что сбить насмерть на такой черепашной скорости невозможно, все же была абсолютно уверена, что человек под колесами «девятки» мертв. Выйти из машины она не решалась, да и не смогла бы, фуры затерли ее так, что дверца попросту не открылась бы. И вдруг впереди что-то зашевелилось – темная фигура начала медленно подниматься, вползая на капот «девятки». Спустя мгновение Елена увидела обращенное к ней окровавленное лицо и в панике узнала Михаила. Тот пытался прижаться снаружи к стеклу и разглядеть, кто сидит внутри сбившей его машины. Его движения были неестественно мягкими и неловкими, отчего ужас, испытываемый Еленой, только возрастал. Она вдруг поняла, что живой человек так двигаться не может, разве что все его кости вдруг превратились в желе. Значит... «Я убила его!»

Она закричала, и крик выбросил ее наконец из кошмара. И тогда, на грани миража и реальности, женщина успела осознать, что видит этот сон не впервые, он уже снился ей, с теми же тошнотворными подробностями, но прежде дневное сознание отказывалось фиксировать его.

«Может, поэтому... Поэтому я до сих пор оттягивала свидание? Господи, какой он был страшный и совсем, совсем мертвый, когда прижимался окровавленным лицом к стеклу!»

Она многое отдала бы за то, чтобы с кем-то поделиться своими переживаниями. Но кому можно позвонить среди ночи? Прежде она вспомнила бы о Лере, но сейчас подруга возилась с грудным ребенком, и нетрудно догадаться, какой была бы ее реакция на подобный предрасветный звонок.

«А все же это к лучшему, что я впервые запомнила кошмар! – ободряла себя Елена, отправляясь на кухню за стаканом воды. Во рту все еще стоял горький вкус пережитого страха. – Теперь понимаю, что меня останавливало, чего я так глупо боялась все эти месяцы, и ничем этот страх объяснить не могла! Даже стыдно было перед Мишей, вела себя, как невротичка! Может, рассказать ему завтра, в чем было дело?»

Но, выпив воды и окончательно успокоившись, женщина решила оставить это откровение при себе. «Не хочу, чтобы наше первое свидание ассоциировалось для Миши с кошмаром!»

Все события последних шести месяцев промелькнули у нее в памяти всего за несколько минут, пока она стояла в полутемной прихожей, прислонившись спиной к закрытой входной двери. Михаил просил ее приехать в назначенное время, сам обещал быть тогда же или чуть позже, как позволят дела. Дела задержали – Елена несколько раз нажимала на кнопку звонка, прежде чем решилась самостоятельно проникнуть в квартиру. Она вспомнила, как внимательно обзрела ее вахтерша, охранявшая вход в этот элитный, в прошлом явно ведомственный дом постройки середины восьмидесятых годов. Елену ни о чем не спросили, в ответ на сообщение, в какую квартиру она идет, лишь сдержанно кивнули. Но женщина лопатками ощущала сверлящий взгляд вахтерши, когда нажимала кнопку лифта и дожидалась его прибытия. Ее поразили чистота и размеры холла внизу и площадки девятого этажа, блеск тщательно вымытых ступеней лестницы, горшки с цветами на окнах. И особенно тишина – почти пугающая, невероятная для многоквартирного дома. «Я обязательно спрошу Мишу, отчего здесь так тихо? Ведь это мечта – жить, не слыша соседей! А может, здесь живут сплошь пенсионеры, заслуженные деятели науки или искусства? То-то на доме висит несколько памятных досок!»

Она стянула наконец отсыревший плащ и повесила его на спинку подвернувшегося стула. Сбросила туфли и, осторожно ступая по блестящему, ухоженному паркету, заглянула в комнату – единственную, со слов Михаила.

Фирма, представителей которой приглашал для уборки хозяин, даром денег не брала. Комната сияла так, что даже пасмурный день за окном вдруг показался светлее. В воздухе стоял навязчивый запах лимонной корки, еще не выветрилась отдушка химиката, которым пользовались для чистки ковра. Все предметы обстановки выглядели такими новеньким и сверкающими, будто их только что переместили сюда с витрины дорогого магазина, торгующего мебелью.

Это было настоящее жилище холостяка, вынужденного совмещать на одной площади спальню, гостиную и рабочий кабинет. К счастью, метраж позволял, комната была так велика, что у Елены возник вопрос, не было ли тут перепланировки. «Я не слышала про комнаты в сорок метров в домах тех лет... Хотя в ТАКИХ домах все возможно». Она оглядела широкую кровать, застланную черным меховым покрывалом, кожаные кресла, журнальный столик в конструктивистском стиле – сочетание черных кубов и белых панелей. Ее внимание привлекли огромный письменный стол со множеством ящиков, барная стойка в углу, римские шторы из серой вышитой органзы, большая японская ваза с сухоцветами... Телевизор и музыкальный центр были самых последних моделей. Преобладание в интерьере черных и белых цветов впечатляло, но и несколько утомляло, держа в напряжении. «Я будто попала в модную журнальную картинку. – Елена, пораженная стильной обстановкой, не сразу решилась присесть. Сперва она опустила на край кровати, потом, найдя ее слишком низкой,

переместилась в одно из кресел. – Да тут все и сделано по картинке, явно работал дизайнер. Ни за что не поверю, будто Миша сам бегал по магазинам и выбирал такие занавесочки, ковры или вот это гламурное черное покрывало! А может, здесь в свое время постаралась любящая женщина... Но он не признается, не так глуп. Странно, что Миша живет в такой квартире... Это слишком, слишком...»

Нужное слово просилось на язык, но Елена едва решилась его употребить. «Показуха, вот что это! Как будто он очень стремится произвести впечатление, а на уют ему наплевать. Такой интерьер создают, чтобы пустить пыль в глаза, а не затем, чтобы на его фоне жить. И машина у него такая же, видно ее за километр, и духи самые модные, только их многовато бывает... И одет с иголочки, всегда такое впечатление, что целый час у зеркала возился. Да, Миша весь такой, раньше я этого не сознала... Хотя, разве это плохо? В чем тут грех? Просто желание красиво жить, производить впечатление... Плохо не это, другое. Я в эту схему совсем не вписываюсь».

Она с иронией вспомнила свое вчерашнее удивление перед зеркалом в парикмахерской. «Возомнила себя красавицей! Самая обычная внешность! Удивляюсь, как он на меня клюнул! Чем я его тогда прельстила, в пробке, зареванными глазами, что ли? Или старой кофтой, которую напялила в дорогу “для тепла”? Уму непостижимо, что я здесь делаю?! И его все еще нет! Это похоже на розыгрыш, на месть за мои долгие сомнения!»

Страшная мысль казалась невероятной, но у Елены задрожали губы, она почувствовала, что глаза наполняются слезами. Появись сейчас перед ней Михаил, она наверняка наговорила бы глупостей, потребовала бы каких-то объяснений или даже клятв. К несчастью или к счастью, его все еще не было. Он опаздывал почти на час, и телефон в ее сумке необъяснимо молчал.

Женщина уже решилась было позвонить сама, но чуть не выронила телефон – так ее напугал прозвучавший вдруг звонок в дверь. Елена вскочила и тут же снова опустилась в кресло. Ее руки дрожали, она ругала себя за то, что едва не бросилась открывать. «У Миши есть ключи, он не станет звонить, это кто-то другой! Бывшая жена явилась? Друг заехал мимоходом?»

Длительно прожужжав один раз в прихожей, звонок умолк и не повторялся. Убедившись, что ее оставили в покое, Елена перевела дух. «Что это, я схожу с ума?! Совсем нервы сдали, дергаюсь из-за пустяков! Это все тот проклятый кошмар, из-за него я каждое утро встаю взвинченная! И в этой квартире тоже есть что-то кошмарное, мне здесь почему-то страшно! Скорее бы Миша пришел!»

Как будто в ответ на ее мысли в прихожей раздалось сухое щелканье отпираемых замков. На этот раз женщина не усидела на месте и пошла к двери, еще не зная, чем встретит Михаила – радостным возгласом или упреком из-за опоздания.

Но на пороге стояла пожилая вахтерша в мохеровом красном берете. Она сжимала связку ключей и настороженно оглядывала появившуюся перед ней молодую женщину. За ее спиной маячил молоденький милиционер, и один взгляд, брошенный на его аккуратную форму, окончательно выбил Елену из колеи. Она недоуменно нахмурилась и пробормотала что-то неразборчивое, делая отстраняющий жест, будто надеясь, что непрошенные гости исчезнут сами собой. Вахтерша в самом деле попятилась и громко заявила, оборачиваясь к милиционеру:

– Вот эта самая! Только что поднялась.

– В чем дело? – Елена обрела наконец голос. – Я пришла в гости! И откуда у вас ключи от квартиры?

– У меня-то? – язвительно уточнила та. – У меня – по долгу службы! Мне жильцы запасные ключи сдают. А вот у вас они откуда?

– Мне их дал хозяин, – возмущенно ответила женщина. – Что вы тут устроили, зачем вызвали милицию?

– Хозяин? – В голосе вахтерши зазвучали еще более ядовитые нотки, сухоощавая фигура задергалась, будто ее сводили мелкие судороги. – Да он тут уже год не бывал и просил пожить за квартирой. Правда, у нас еще случаев грабежа не было, а вот в соседнем доме, тоже с вахтером, с видеонаблюдением – взяли и обчистили целый этаж!

– Чепуху несете! – оборвала ее Елена, все сильнее раздражаясь. – Михаил здесь живет постоянно и сейчас сам приедет!

– Какой еще Михаил?

– А как, по-вашему, его зовут?!

– Так я и сказала! – парировала вахтерша.

Елена только развела руками и обратилась уже напрямую к представителю закона:

– Я ничего не понимаю, эта женщина, кажется, с ума сошла.

– А можно на ваши документы взглянуть? – вежливо осведомился молодой парень, не слушая возмущенных возгласов вахтерши. – Не затруднит предъявить?

Просьба была высказана так деликатно, что Елена сдалась и открыла сумку. Просмотрев страницы паспорта, как ей показалось, без особого интереса, милиционер протянул его обратно:

– Так, значит, хозяин квартиры сейчас должен подойти? Ничего, если мы егождемся вместе?

– Думаю, он был бы против, – решительно ответила она. Елена успела собраться с духом, в ней крепло убеждение, что старуха перестраховалась, приняв ее за грабительницу, и теперь сама не знает, как выпутаться из сложившейся идиотской ситуации. Во всяком случае, вахтерша больше не делала попыток вступить в пререкания, а смотрела куда-то в угол прихожей, будто пряча взгляд от Елены.

– Так как зовут хозяина, можете уточнить? – все так же вежливо осведомился милиционер.

– Зачем? – ошетинилась Елена.

– Ну, хотя бы, чтобы исключить ошибку. Если вас правда пригласили в гости настоящие хозяева – одно дело, а если...

– Ну, знаете! – в сердцах воскликнула она. – Его зовут Михаил, да я уже вам сказала.

– А фамилия?

– Не знаю!

Елена и в самом деле не знала ни фамилии, ни даже отчества своего платонического воздыхателя и с запоздалым сожалением поняла, что выглядит в глазах юного служителя закона неубедительно. Упорное молчание вахтерши начинало ее бесить. Старуха все еще вглядывалась в самый темный угол прихожей, возле ванной комнаты, делая вид, что происходящее никак ее не касается. Елена обратилась прямо к ней:

– Ну, хватит играть в молчанку! Хотя бы извинились! А Михаил еще так хорошо о вас отзывался! Вы что же, всякий раз вызываете милицию, когда к кому-то приходят гости?!

– Анастасия Петровна милицию не вызывала, я живу в этом же подъезде, – охотно сообщил милиционер. – Шел на работу, а она попросила помочь. Сказала, что в пустую квартиру поднялось постороннее лицо, это вызвало ее подозрения.

– Не много ли вы на себя берете?! – гневно обернулась к вахтерше Елена.

– Там на полу что-то есть. – Громкий шепот прозвучал так отчетливо, что перекрыл голос возмущенной женщины.

Елена невольно вгляделась в тот самый угол, который упорно разглядывала вахтерша.

– Квартира только что убрана, не выдумывайте... – начала Елена и запнулась. На паркете, у входа в ванную комнату, смутно видневшуюся за приоткрытой дверью, действи-

тельно, оказались какие-то темные, смазанные пятна. Похоже было, что там разлили некую густую жидкость, а после несколько раз поскользнулись на ней, прежде чем она высохла.

Милиционер, как-то сразу подобравшись, вошел в прихожую и несколько мгновений рассматривал пятна на полу. Елена хотела было подойти и тоже на них взглянуть, но отчего-то не решилась. Закончив осмотр, парень тыльной стороной руки – это сразу привлекло ее внимание – подтолкнул дверь ванной, так что та открылась шире, и, заглянув вовнутрь, сразу отпрянул и выпрямился.

– Вы тут одна? – совсем другим, резким тоном осведомился он у Елены.

Женщина кивнула. Ей вдруг стало трудно дышать, и она уже не могла оторвать взгляда от темных засохших пятен на блестящем, только что начищенном паркете.

– Вызываю наряд, – теперь он обращался к вахтерше. – Анастасия Петровна, прикройте, пожалуйста, входную дверь. Аккуратненько, за ручку не беритесь.

– Это кровь? – все тем же страшным громким шепотом спросила та, переводя полный ужаса взгляд на оцепеневшую Елену. – Я сразу поняла – кровь! Когда наш дед в деревне рубил головы курам, мне тошно было, я их после не ела... Видеть не могу, меня прямо трясет...

– Да закроете вы дверь или нет?!

– Что там, в ванной? – Елена не узнала собственного голоса. Он вдруг сделался слабым, тонким и звучал жалобно, будто она просила милостыню.

Милиционер ответил взглядом, в котором читался такой колющий интерес, что женщина окончательно потеряла самообладание.

– А то вы не знаете? – после секундной паузы спросил он.

– Я только что зашла в квартиру, я в ванной не была... Я ничего не знаю!

– Там труп, я уверена, там труп! – От жуткого шепота вахтерши у Елены мурашки взирались по спине – от копчика к затылку. – Хозяина убили! Вадима Юрьевича! Саша, скажи лучше сразу, а то я в обморок упаду! Скажи, я ведь уже и так поняла! Там Вадим Юрьевич?! Ты же знал его в лицо!

Милиционер заколебался, переводя взгляд с вахтерши на притихшую Елену. Его явно манило поделиться открытием, сделанным в ванной, и останавливало опасение сказать лишнее. Молодость взяла свое, он не выдержал каменного молчания.

– Знать-то я его знал, конечно... – В глазах парня появился загадочный блеск, голос вибрировал от возбуждения. – Но опознать не берусь.

– Может, я взгляну? – храбро вызвалась Анастасия Петровна.

– Нет, не стоит.

– Да почему, я уж пришла в себя! Боишься, истерику устрою? – та мелкими танцующими шажками подвигалась к ванной, от любопытства забыв даже про Елену, от которой до сих пор не отходила, будто охраняя преступницу. – Я старая женщина, Саша, и чего я только в жизни не видела...

– Этого точно не видели, – преградил ей путь парень. – И я вас туда не пушу.

– Одним глазком...

– Да не дай вам Бог, – выговорил тот, утирая внезапно выступившую на лбу испарину. – У него нет головы. Что, хватило вам?

«Хватило» Елене – спустя какой-то миг она вдруг перестала ощущать свои ноги, как будто ей внезапно сделали спинальную анестезию. Потом отнялось все тело, последним отказал мозг, еще успевший зафиксировать повернувшиеся к ней лица – взбудораженные, искаженные страхом. Она мягко рухнула на пол, повалив при этом стул с висевшим на нем плащом. Действительность, внезапно ставшая такой жуткой и необъяснимой, милосердно исчезла для нее.

Глава 2

Елена пришла в себя, когда в квартире появился наряд милиции. Без сознания она была минут десять. Именно столько времени понадобилось, чтобы прибыли представители порядка, исчезла храбрая любопытная вахтерша, а ее саму перенесли из прихожей, где она лежала прямо у порога, в комнату и усадили в одно из кресел. В черную тьму, поглотившую женщину, ворвался резкий медицинский запах, от которого у нее спазматически сжался и заболел мозг. Спустя мгновение она прерывисто чихнула и открыла глаза.

Склонившийся над ней мужчина в кожаной куртке убрал пузырек с нашатырным спиртом и удовлетворенно кивнул:

– Так-то лучше, Елена Дмитриевна. Как себя чувствуете?

Вместо ответа она махнула рукой, словно пытаясь прогнать кошмарное видение. Незнакомец внимательно наблюдал за ней, и в какой-то миг женщина ощутила себя насекомым, которого рассматривает довольный энтомолог, пытаясь решить – усыпить поимку эфиром или проткнуть булавкой?

Она села ровнее, одернула юбку, сбившуюся выше колен, поискала взглядом сумку. Мужчина будто прочел ее мысли и тут же выхватил сумочку откуда-то из-за кресла:

– Позвонить кому-нибудь хотите?

– Д-да, – с запинкой ответила она, все еще слегка сомневаясь в реальности происходящего. – Можно?

– Отчего же нет? – Он протянул сумку, как сразу заметила Елена, приоткрытую.

От мысли, что в ее вещах копались, пока она была без сознания, ей стало жарко и тошно. Захотелось кричать, доказывать свою невиновность, требовать справедливости, но женщина смолчала, кусая изнутри губы, отлично сознавая, что услышана не будет. В человеке, который сидел напротив и следил за ней, не было ничего отталкивающего или пугающего, но он наводил на нее лютый страх. И все же Елена, достав телефон, сперва решила кое-что выяснить. Ее не оставляла смутная надежда, что дело обстоит не так ужасающе, как сказал молодой милиционер, сопровождавший вахтершу.

– Скажите, здесь действительно кого-то убили? – хрипло спросила она.

Следователь шутливо развел руками, его простое широкое лицо неожиданно осветилось улыбкой:

– Да разве вы не в курсе?

– Краем уха слышала... Я вошла в эту квартиру пятнадцать минут назад и в ванную даже не заглядывала... – пролепетала женщина, на которую улыбка собеседника произвела самое тяжелое впечатление. «Уж лучше бы он на меня орал, я бы хоть собралась с духом, всегда легко осаждала хамов! А этот улыбается, будто хочет мне продать суперпылесос или косметику...» Она слышала теперь и другие голоса, они доносились из-за плотно закрытой двери в коридор. Судя по всему, там возилось сразу не- сколько человек, и просторная прихожая была для них тесна. Шла видеосъемка, кто-то просил включить дополнительный свет, кто-то чем-то шуршал, позвякивал металл, кто-то переговаривался по рации.

Женщина провела рукой по лбу, пальцы были все еще как чужие. Она едва ощутила их прикосновение и с мольбой взглянула на следователя:

– Понимаю, вы меня подозреваете... Но вахтерша подтвердит, я только что поднялась. Не сейчас ведь убили этого человека!

– А я пока ничего не знаю. – Мужчина все еще улыбался, но глаза в этом веселье участия не принимали. Тускло-серые, глубоко посаженные, они казались жесткими, как кусочки отбитого асфальта. – Показания и факты потом будем сопоставлять. Сейчас мне просто интересно, что вы сами об этом случае скажете.

– Я пришла в гости к знакомому. – Елена склонилась над телефоном, отыскивая в списке последних вызовов номер Михаила. – Он назвал этот адрес, дал ключ... Да вот, я сама ему сейчас позвоню, он тоже должен был сюда приехать!

Она набирала номер два, три раза подряд, но слышала только механический голос, сообщавший, что абонент недоступен. Покрывшись испариной, женщина снова нажала кнопку набора, но следователь ее остановил:

– Ничего, мы с вашим другом свяжемся. Как его зовут?

– Я знаю только имя, – поторопилась ответить Елена, испытывая нечто вроде благодарности за то, что тот остановил пытку телефоном. – Мы... еще не очень близко знакомы.

Тот молча ждал продолжения, и, взглянув в его непроницаемые глаза, женщина сама ужаснулась неправдоподобию своих слов.

– Я понимаю, это странно! Как можно прийти на квартиру к человеку, чьей фамилии даже не знаешь... – пролепетала она, вновь ощущая себя школьницей, которая, не зная урока, пытается сбить с толку учителя, отвечая другой параграф. – Но бывает и так, правда? Зачем мне его фамилия, я не собиралась за него замуж! И он, кстати, тоже моих паспортных данных не спрашивал!

– Да вы не волнуйтесь, – вновь ободрил ее мужчина. – Телефонный номер у вас имеется, имя знаем, фамилию тоже найдем. А кстати, машины у него нет?

– Есть, красный спортивный «ниссан».

– Номер, конечно, не помните?

– Почему? Номер запоминающийся. Четыреста шесть–десять восемь...

Следователь изумленно приподнял брови:

– Чем же это он запоминается?

– Михаил как-то сказал, что сделал себе номер, соответствующий дате его рождения. – Елена радовалась уже тому, что впервые смогла о чем-то толково рассказать. – А он родился в апреле шестьдесят восьмого года.

– Может, и дату называл?

– Третьего числа.

– Считайте, мы его нашли, – покровительственно улыбнулся мужчина. – А найти бы его надо как можно скорее, потому что, судя по всему, убили-то не его. Убитый – мужчина пожилой, похоже, хозяин квартиры. И какое ваш Михаил имеет отношение к этой жилплощади, нужно еще разобраться. Он сам что говорил?

– Кажется, квартира осталась ему после развода... – неуверенно припомнила Елена.

– Час от часу не легче! – прокомментировал следователь. – А скажите-ка честно, с какой целью он вам назначил это свидание?

– Мы полгода встречались в кафе, в ресторанах, а он просил настоящего свидания, наедине. – Женщина уже не испытывала неловкости оттого, что посвящает постороннего в тайны своей интимной жизни. Елене хотелось одного – чтобы ей верили. – И я согласилась наконец.

– А может, он снял или выпросил для свидания это жилье? – неожиданно спросил следователь. Он как будто пропустил мимо ушей все, что произнесла Елена. – Пыль вам хотел в глаза пустить? Квартира-то дорогая, дом элитный! Тут сплошь университетская профессура живет!

– Если бы он снимал квартиру, вахтерша бы его знала. – Елена сама удивлялась, как впадает в ступор.

В коридоре вдруг поднялся шум, раздался топот ног, скрип тяжелой входной двери, голоса зазвучали громче. Следователь взглянул на часы и поднялся:

– Что ж, скоро увидимся, Елена Дмитриевна. Вам повестку придется посылать или звонка будет достаточно?

– Я же все сказала, что знала... – Женщина тоже поднялась с кресла, растерянно поправляя растрепавшиеся во время обморока волосы. У нее мелькнуло нелепое в данной ситуации сожаление, что сделанная вчера прическа погибла окончательно.

– Вы даже не представляете, сколько раз мы с вами еще побеседуем на эту тему, – дружелюбно заметил мужчина, направляясь к двери. – А пока езжайте домой, к семье.

– Скажите, – она решилась задать вопрос, когда следователь уже ступил одной ногой в опустевший коридор, – неужели правда, что тело... У него отрезана голова?!

– Какая осведомленность! – остановился тот.

– Это сказал милиционер, которого привела вахтерша. Он ведь один видел убитого...

Мужчина что-то пробормотал сквозь зубы и с нехорошим участием в голосе посоветовал Елене меньше думать о таких ужасах.

– Идите и постарайтесь освежить в памяти все, что касается вашего приятеля. Телефон его, кстати, оставьте.

Оказавшись наконец на улице, женщина едва устояла на ногах. Свежий воздух будто оглушил ее. Сделав не- сколько шагов, она без сил опустилась на лавочку возле подъезда. Пожилые женщины, сидевшие здесь же, молча потеснились, бросив на незнакомку косые взгляды, и тут же снова принялись обсуждать новость, судя по всему, уже облетевшую дом.

– Вы носилки видели? – допытывалась у своей соседки хорошо сохранившаяся дама в модном пальто и с крошечной собачкой, чья востроносая головенка выглядывала из-за пазухи хозяйки. – Неужели без головы?

– Я до сих пор не верю, – та несколько раз широко перекрестилась. На ее простоватом лице застыла гримаса горестного недоумения. – Зверство какое, и главное, за что?! Вадим Юрьевич в жизни мухи не обидел, тишайший человек, известный профессор, такой затворник... Пока он этой квартирой владел, я ни разу звука не слышала, а ведь живу прямо под ним!

– Обокрали квартиру, нет? – допытывалась третья женщина. – У него было что взять!

– А может, ради самой квартиры убили, – понизила голос до громкого шепота хозяйка собачки. – Наследники объявились...

– Вот бы Анастасию Петровну расспросить, как все там было! Да она ушла с дежурства, сердце прихватило! – сокрушалась соседка с восьмого этажа. – Что удивляться, она ведь его нашла! Я бы на ее месте вообще умерла!

– Наверное, милиция станет весь подъезд опрашивать, – авторитетно заявила третья женщина. – Впервые у нас такое, и то ли еще будет! А я предсказывала это! Четыре квартиры сданы бог знает кому, непонятно, кто сюда доступ получил и сколько их тут живет! Поднялись, может, ночью на девятый этаж, и чирик его ножичком по горлу!

– Полно вам, – брезгливо оборвала ее дама с собачкой. – Что за ксенофобия, все жильцы – приличные люди. У нас свои кадры есть, почище. Хоть бы этот Саша со второго! Даром что милиционер, а какие у него пьянки по ночам! Девки визжат, парни орут, то танцуют, то дерутся! Страж порядка! А начнешь ему при встрече высказывать, делает наглые глаза и заявляет: «Вы меня с кем-то путаете!» Вот хотя бы этой ночью...

– И я слышала, – перебила ее приятельница. – А ведь я на восьмом, а вы прямо над ним!

– Как ему милицию вызовешь, если он сам милиция, – отрывисто подвела итоги третья женщина, уже целую минуту не спускавшая глаз с Елены, присевшей на край скамейки. Вглядевшись в ее лицо внимательнее, она внезапно осведомилась: – Вам что, плохо?

– Да... Нехорошо... – тихо ответила Елена. Ею овладело глухое безразличие ко всему происходящему. Это была реакция на пережитый шок, и она не могла себя заставить подняться. – Ничего, сейчас пройдет.

– Сердце? – участливо спросила женщина с восьмого этажа, роясь в карманах куртки. – Кажется, я что-то прихватила... Хотите валидолу?

Елена отказалась жестом, пробормотала что-то в знак благодарности и уже собралась с силами, чтобы встать, когда дама, прятая между полами пальто собачку, в свою очередь, обратилась к ней с вопросом:

– А вы случайно в наш подъезд не по этому делу приходили? Я вас тут раньше не видела.

Можно было ничего не отвечать, встать и уйти. Можно было солгать, и какая разница, опровергла бы впоследствии ее слова вахтерша или нет? Елена, во власти все того же парализующего безразличия, сказала правду:

– Да, я была в той квартире.

– Разве вы из милиции?

– А вы родственница Вадима Юрьевича?!

– А тело видели?!

На нее посыпался град вопросов, и Елена едва успевала отвечать, всем одинаково: «Нет, нет, нет...» Энтузиазм соседок поостыл, они выглядели почти обиженными. Женщина с собачкой, сдвинув брови, осведомилась:

– Но как вы в квартиру попали? Нас выше восьмого этажа не пустили!

– Меня позвали в гости. – Елена тряхнула головой, будто просыпаясь от тяжелого дневного сна, где властвовали кошмары. – Я пришла, и тут же прибежала вахтерша, и с нею этот Саша-милиционер. А там уже и милиция приехала.

– А кто вам открыл? – с жадным любопытством воскликнула соседка с восьмого этажа.

– Я сама. Вот, у меня и ключ есть! – Елена вынула из кармана плаща ключ и предъявила его женщинам.

Те притихли, созерцая улику, по странной случайности оставшуюся у Елены. Теперь она сама удивлялась, как это следователь не потребовал предъявить ему ключ. «Вы даже не представляете, сколько раз мы с вами еще побеседуем!» – прозвучал у нее в голове делано веселый голос. «Он просто издевался надо мной! Шутил и улыбался, потому что понимал – я попалась! Один подозреваемый в убийстве уже есть! Но какое отношение к этой квартире имеет Миша?!» Взглянув на трех приятельниц, Елена сказала себе, что глупо терять шанс выяснить правду.

– Скажите, – собравшись с мыслями, она положила ключ в карман, – вы когда-нибудь встречали в этом подъезде мужчину лет сорока? Он плотный блондин, среднего роста, глаза карие...

Произнеся это, она тут же поняла, что мужчин с такими данными в Москве немыслимо много, и если нет особых примет, искать человека по этим параметрам бесполезно. Соседки переглянулись и дружно покачали головами. Дама с собачкой даже позволила себе тонко улыбнуться:

– Ну, я, наверное, трех-четырех таких за последний год видела... А что, он подозреваемый?

– Он мне говорил, что это его квартира.

– Ну, точно! – ахнула та, стиснув руки на груди и невольно придавив взвизгнувшую собачку. – Убили из-за квартиры!

– Подождите, еще не то услышим! – зловеще прошипела третья соседка, теперь смотревшая на Елену с нескрываемой неприязнью. – Вы к нему, значит, в гости пришли? А сам он где?

– Неизвестно. – Встретив ее уничтожающий взгляд, женщина наконец встала. – А красный спортивный «ниссан», номер четыреста шестьдесят восемь, вы рядом с домом никогда не видели?

– А почему мы вам должны отвечать, вы следовательно, что ли? – отрезала та. – Скажем лишнее, потом перед законом ответим... Знаете, идите-ка вы отсюда подобру-поздорову!

– Ну что ты, Нина! – нерешительно упрекнула ее добродушная соседка с восьмого. – Человек не зря интересуется, ее ведь тоже, наверное, допрашивали... – И, обращаясь к Елене, услужливо добавила: – Лично я такой машины не видела.

– И я, – дама в модном пальто поцеловала в острую мордочку все еще возмущавшуюся собачку. – Ну, Бобся, успокойся, сейчас идем домой. Что за день такой несчастный, я сама не своя! Отрезали голову, это же немыслимо! Теперь мы на всю Москву прославимся!

– На всю страну, тогда уж, – бросила ехидная соседка, нападавшая на Елену. – Такое не каждый день случается! И вы как хотите, девушки, но я бы на вашем месте лишнего с посторонними не болтала! Мало ли кто это, а вы готовы наизнанку вывернуться!

И, метнув в Елену взгляд, который убил бы ее, будь он материален, женщина направилась к подъезду. Дама с собачкой, поколебавшись, последовала за ней, продолжая на ходу сюсюкать со своей любимицей. Она явно чувствовала неловкость и стремилась замаскировать ее, осыпая собачку ласковыми словечками. На скамейке осталась только добродушная соседка с восьмого этажа. Она развела руками, встретив укоризненный взгляд Елены:

– Нина всегда воду мутит, такой уж характер. Я лично вас ни в чем не подозреваю.

– Спасибо, – не удержалась от улыбки Елена. Она сама удивилась, что способна развесть в подобных обстоятельствах. – Вы, похоже, пока единственная. Я сама понимаю, что попала в скверную историю, но убей меня бог, если знаю как!

– Вы вот с милицией общались, – та заговорщицки понизила голос и оглянулась на дверь подъезда, будто опасаясь, что подруги вернутся. – Неужели правда, что голову так и не нашли?!

– Вы осведомлены лучше меня! – содрогнулась женщина, на миг снова ощутив страшную слабость. – А я даже и не хочу ничего об этом знать. Тем более что убитый мне незнаком! Хотите – верьте, хотите – нет!

– А ведь он известный ученый, – воодушевленно сообщила ее словоохотливая соседница. – Геолог, древней историей Земли занимался! Я даже как-то его в одной передаче видела, с большим интересом слушала, хотя, конечно, не все поняла! Нет, вы представляете, насколько он был не от мира сего?! Я никогда и не знала, дома сосед или нет, так там было тихо!

– У вас в подъезде вообще удивительная тишина! – заметила Елена. Она все порывалась уйти, но ее удерживала возможность узнать хоть какие-нибудь подробности. – Такая замечательная звукоизоляция или...

– Не бывает хорошей звукоизоляции, бывают соседи-профессора! – авторитетно изрекла женщина и сама засмеялась своей шутке. – Ну, что вы, какая теперь тишина! Вот лет двадцать назад, когда дом только заселялся, тут был образцовый порядок! Нина в чем-то права, публика понемногу меняется, и не к лучшему, люди приходят уже не те... Но остались и прежние жильцы. У нас тут теперь как бы два лагеря – старички и новички, как я называю. И то, как считать? Саша-милиционер, например, получил квартиру по наследству от бабушки-профессора, а сам, видите, в науку не пошел, да и тишины от него не жди. А вот переехала к нам пару лет назад семья – и будто всегда тут жили. Алина верно говорит, нельзя всех людей под одну гребенку стричь!

Судя по всему, соседка покойного профессора заходила в своем добродушии так далеко, что считала обоюднo правыми даже тех людей, которые диаметрально расходились во мнениях. Она уже начала надоедать Елене, и та собралась было попрощаться, как вдруг услышала нечто, заставившее ее снова присесть на край скамейки. Припомнив еще пару случаев, когда профессорские дети избирали жизненные пути, не радовавшие родителей, пожилая женщина вдруг заявила:

– Хотя и сами товарищи ученые устраивали иногда, будь здоров! И спивались потихоньку, и жен побивали, а уж сколько тут романов накручено! Сейчас народ какой-то вялый на этот счет стал, устают, что ли, больше? Молодежь на стариков похожа... А кому-то как раз в старости – бес в ребро, взять вот покойного Вадима Юрьевича! – Рассказчица быстро перекрестилась и, округлив глаза, продолжала: – Прежде, пока супруга была жива, за ним ничего не водилось, был примерный семьянин, всем нашим научным дамам на зависть. А потом остался один, и дочка вскоре выросла, съехала от него... Тогда Вадим Юрьевич начал иногда девушек приглашать... Причем таких, которые сами на такси приезжают, сами уезжают, а провожать их, цветы дарить не надо... Понимаете меня?

– Девушек по вызову? – догадалась Елена.

– Вот-вот, – кивнула та. – Но, я вам скажу, что при этом все-таки – никакого шума. Тихо, мирно, благородно. Раз или два в месяц поднимались такие девушки на девятый этаж. Это только те, кто мне попадался на глаза, конечно! – поспешила поправиться соседка.

– Так, может, и этой ночью там кто-то был? Вы никого не заметили?

– Милая, я удивляюсь, как он сам там оказался! Мы думали, Вадим Юрьевич в Германии! Уехал год назад, все об этом знали! А вернулся незаметно, ни тебе такси возле подъезда, ни вещей, и мимо вахты как-то проскочил. Как дух бесплотный!

– Никто ничего не видел... – уныло протянула Елена. – Что ж, придется выпутываться самой.

Она поняла главное: рассказы Михаила о том, что он является владельцем этой квартиры – ложь. Зачем он лгал? Пустил ли его профессор в квартиру на время отъезда, снимал ли он это жилье или присматривал за ним по просьбе все того же Вадима Юрьевича – все это можно было узнать лишь от него самого. Но уже то, что Михаил на свидание не явился и на звонки не отвечал, косвенно говорило о его причастности к случившемуся. В его виновность Елена плохо верила, но... «Я уже сутки ничего о нем не слышала! А вдруг и с ним беда?!»

Женщина впервые осознала такую возможность и назвала себя идиоткой – отчего это прежде не пришло ей в голову?!

– До свидания, я поеду, – обратилась она к соседке. – Надолго не прощаюсь, у меня предчувствие, что придется сюда вернуться. На всякий случай, если во дворе все же появится человек, которого я описывала, или мелькнет такая машина, как у него, – позвоните? Вот номер...

Елена торопливо черкнула на листке из блокнота номер мобильного телефона и свое имя. Женщина спрятала клочок бумаги в карман и с готовностью закивала:

– Еще бы, позвоню! А меня зовут Татьяна Семеновна, где живу, поняли, наверное? Квартира сразу под Вадимом Юрьевичем, номер шестнадцать. Если что, приезжайте, вызывайте по домофону, я почти всегда на месте.

Елена с трудом распрощалась с новой знакомой. Татьяна Семеновна очень не хотела ее отпускать, по всей видимости, соскучившись по свежему человеку. Молодой женщине пришлось несколько раз повторить, что она спешит, и не слишком вежливо повернуться спиной, как вдруг ее поразила неожиданная мысль. Она остановилась как вкопанная и снова обернулась к приунывшей было соседке:

– Послушайте, но ведь вчера в квартире профессора была генеральная уборка! Там начищали паркет, протирали мебель, оконные стекла, чистили ковры! Все блестит, сверкает! Неужели вы ничего этого не слышали и не догадались, что он вернулся?!

– Уборка? Да что вы! – отмахнулась та, однако, озадачившись. – Это он приглашал ребят из какой-то фирмы перед самым отъездом в Германию! Тогда они слегка пошумели, двигали мебель, что было, то было, но я на такие вещи никогда не жалуюсь! Я соседей уважаю, у каждого свои нужды!

– Нет, вы не понимаете. – От раздражения Елена даже топнула ногой, угодив в небольшую лужицу. Полетели брызги, соседка удивленно попятилась. – Уборку сделали вчера, там ни пылинки!

– А откуда возьмется пыль при закрытых окнах? – возразила Татьяна Семеновна. – Где не живут, там не пачкают, уж поверьте моему опыту! Во всяком случае, вчера наверху мебель не двигали! А если двигали, старались не шуметь! – уже шутливо добавила она, явно наслаждаясь своим остроумием.

Елене пришлось отступить ни с чем, но она твердо решила поделиться своим недоумением со следователем. Теперь ей даже не терпелось с ним увидеться. Садясь в машину, женщина бросила взгляд на флакончик с ароматизатором воздуха, приклеенный над приборной доской, и сощурилась, будто внезапно ослепленная ярким лучом света: «Запах лимона! Наверху, в той квартире, все пропахло лимонным шампунем для ковров! Запах не мог продержаться целый год с такой интенсивностью, пусть даже при закрытых окнах! Его не слышно уже через неделю, и я могу точно сказать, что уборку делали вчера!»

Эти мысли отвлекли ее от самой мрачной стороны случившегося. Она, вопреки собственным ожиданиям, добралась до дома без приключений, хотя едва следила за дорогой, настолько были взвинчены нервы.

Стоило ей вставить ключ в замочную скважину, как дверь отперли изнутри, и она увидела на пороге мужа.

– Руслан?! – Он попятился, и Елена, чуть замешкавшись, вошла в прихожую. – Ты ведь был в области? В командировке...

– А вот взял, да и вернулся. – Он следил за тем, как жена стягивает плащ, не выражая намерения помочь. – Планы переменились.

– Что, ваша фирма потеряла заказ?

– Нет.

Руслан посторонился, когда жена наклонилась, отыскивая в углу тапочки, все с тем же замороженным видом, уже удивившим женщину при встрече. Выпрямившись, она пристально взглянула на мужа, и ей показалось, что на его лице написана скрытая издевка. Это было так необычно, что она окончательно встревожилась:

– Ты не заболел?

– Я абсолютно здоров, – отрезал тот. – Но спасибо за заботу, конечно. Очень трогательно с твоей стороны!

– Что за комедия... – пробормотала она, торопливо проходя в кухню, чтобы включить чайник. Спиной она ощущала холодок его взгляда, сердце учащенно забилося, предсказывая недоброе, о чем оно, опередив разум, уже узнало своими тайными путями. «А если он все знает... Но откуда?!» У нее в мозгу пронеслась огненная болезненная стрела, и Елена, тихо вскрикнув, сжала ладонями виски.

Она с трудом дождалась, когда вскипит вода. Приготовила кружку растворимого кофе, забелила его молоком, поставила перед мужем – тот уже уселся за стол и как будто чего-то ждал. Женщина отвернулась, чтобы приготовить кофе для себя, и тут же замерла, услышав вопрос, которого так боялась.

– Что такая недовольная? Свидание не удалось?

– Как? – обернувшись, Елена тут же снова склонилась над столом, выскребая ложкой остатки присохшего к стенкам банки кофе. Ее лицо разом загорелось, стало трудно дышать, глаза заслезились. Шок был так силен, что она на миг понадеялась, будто видит все во сне, или это продолжение того обморока, который свалил ее на квартире у покойного профессора. – Что ты чепуху говоришь...

– Почему же чепуху? – Ехидный голос мужа накрепко привязывал ее к реальности, не позволяя в ней усомниться. Руслан позвенел чайной ложкой и с шумом отхлебнул горячий кофе. – Имею я право узнать, как все прошло? Не чужой тебе все-таки!

– Я не была ни на каком свидании. – Елена сказала правду, и это позволило ей держаться более-менее уверенно. – Ездил по делу, вот и все.

– По какому, если не секрет?

– Заведующая попросила отвезти образцы партнерам, в другом районе... За это раньше отпустила с работы.

– С каких пор ты работаешь курьером?

– Не вижу ничего постыдного в том, чтобы помочь хорошему человеку. – Елена набралась смелости и взглянула мужу прямо в глаза. Она еще не была перед ним ни в чем виновата (если не судить строго и не считать виной твердое намерение согрешить). – А почему это ты меня подозреваешь в измене?

– Подозреваю?! – Руслан горько усмехнулся, его лоб пересекла глубокая морщина, появлявшаяся, когда он бывал чем-то крепко озадачен. – Да нет, такие дураки, как я, ничего не подозревают, пока их носом в грязь не ткнут. Я точно знаю, что сегодня ты ездила на свидание к своему...

Не договорив, он в сердцах грохнул по столу кулаком. Кружка перевернулась набок, дымящийся кофе разлился по столешнице, закапал с краев клеенки на колени мужчине, на плитки пола, на камышовый коврик... Лицо Руслана покраснело, не то от боли, не то от ярости, теперь он в голос кричал:

– А я полгода не видел, как ты крутила роман у меня перед носом! Врала, что у тебя сверхурочная работа по вечерам, пользовалась тем, что я пашу как каторжный, устаю до смерти! Где же мне было за тобой следить, когда?! Ну и гадина же ты, такая же гадина, как все бабы, а я считал тебя честной!

– Перестань орать!

Она тоже была вынуждена повысить голос, чтобы муж ее услышал. Елена боялась, что их подслушивают соседи, – на кухне, благодаря системе вентиляции, вечерами можно было следить за жизнью всего многоквартирного дома. Звукоизоляция была поистине чудовищной. Елена волей-неволей знала, какими отборными ругательствами поливает безработного мужа соседка снизу, со сколькими девушками разом встречается холостой сосед за стеной, какие успехи делает в игре на электрогитаре десятилетний сын соседей сверху... Что они, в свою очередь, знали о ее семье, женщина никогда себя не спрашивала, но скорее всего, информация была мизерной, так как Елена с мужем на повышенных тонах не общалась. «Зато мы уж сразу, не мелочась, начали с измены!»

– Тише, хочешь, чтобы весь дом завтра сплетничал?! – крикнула она, срывая с крючка полотенце и принимаясь промокать разлившийся кофе. – Какой идиотизм, я ни в чем перед тобой не виновата! Кто меня оклеветал?!

– А ты как думаешь? – Мужчина отодвинулся от стола вместе со стулом, с досадой отряхивая промокшие на коленях джинсы. – Кому ты рассказывала о своих приключениях? Уж молчала бы, не позорилась!

«Лерка проболталась!» Она поразились, как эта единственно возможная версия сразу не пришла ей в голову. Но Лера и Руслан никогда не общались за ее спиной, их взаимная неприязнь была такой глубокой, что Елена могла не опасаться утечки информации. Она давно уже намекала подруге, что познакомилась с интересным человеком, который очень трогательно за ней ухаживает, и Лера полностью одобрила ее поведение. «Наконец-то! Не хватало всю жизнь посвятить этой бесчувственной дубине, твоему благоверному! Смотри только, не перегни палку, мужчины не любят долго ухаживать впустую!»

Этот совет во многом подтолкнул Елену к тому, чтобы назначить свидание. О том, что они с Михаилом встречаются сегодня, Лера тоже знала. Вчера вечером она позвонила, чтобы спросить у более опытной подруги, как унять безостановочную икоту у младенца, и в перерыве между советами Елена призналась, что роман приближается к решающей стадии. Будь это в прежние времена, они бы подробно обсудили ситуацию, но теперь подруга была поглощена своим чуть запоздавшим материнством и выслушала новость вполуха. «Но проболтаться Руслану! Да Лерка его ненавидит!»

— Я не смог тебе вчера дозвониться, и сегодня утром связи не было. — Руслан с искаженным лицом следил за женой, то и дело кивая, будто утверждаясь в своих подозрениях. — А вот телефон этой трещотки набрался сразу. Я только хотел передать через нее привет, сказать, что у меня все в порядке, думал, ты волнуешься... Вот придурок! — Он снова повысил голос, забыв об осторожности. — Каким же я бараном выглядел перед твоей ненаглядной подружкой! Начал распинаться, просил сразу же тебе перезвонить, а эта тварь хихикала в трубку, а потом заявила, что не уверена, сумеет ли до тебя дозвониться. Дескать, сегодня у Лены знаменательный день!

— Бред... — Елена бросила в раковину насквозь промокшее полотенце, включила было воду и тут же перекрыла кран. Она пыталась замаскировать волнение, грозившее перейти в панику. «Лерка меня выдала?! Тогда все на свете ложь! Да зачем, чего ради?!»

— Она, видите ли, решила спасти семью! — Руслан будто услышал ее немой вопрос. — Так и сказала — возвращайся в Москву и действуй, пока не поздно! Ленка долго терпела, а теперь решила изменить! Оказывается, я чудовище какое-то, ты мучилась, живя со мной! Какие интересные вещи приходится узнавать после стольких лет семейной жизни! Может, я притеснял тебя? За человека не считал? Бил?!

— Прекрати истерику. — Женщина принялась перебирать столовые приборы в лотке рядом с раковиной, без смысла и цели, только чтобы чем-то занять дрожащие пальцы. — Если Лера столько рассказала, она должна была сказать и то, что я тебе еще не изменила.

— А я, наверное, должен танцевать от радости или святой тебя считать за это?!

Руслан быстро расхаживал по кухне — три шага к окну, три обратно, к двери. Теснота пространства увеличивала повисшее в воздухе напряжение. Елене казалось, что, если бы они перешли в более просторную комнату, муж успокоился бы скорее, но она не могла двинуться с места и продолжала бесцельно звенеть вилками и ложками.

— Не изменила, зато хотела! А кстати, почему я должен тебе верить?

Остановившись у окна, мужчина рывком распахнул заедавшую форточку и достал из нагрудного кармана рубашки сигареты. Его лицо приобрело лиловый оттенок, и будь это прежде, Елена посоветовала бы мужу подождать с курением, так как у него порой опасно скакало давление. Но сейчас она молча смотрела на то, как он закуривает и выпускает первые клубы дыма.

— Ты ведь ездила к нему домой? — через плечо процедил Руслан.

— Да, я там была. — Елена поразилась тому, как спокойно прозвучал ее голос. На мужа это произвело тот же эффект, что красная тряпка на быка, — он судорожно втянул голову в плечи и развернулся к ней, будто готовясь кинуться в драку.

— Значит, да?!

— Ничего это не значит, — все так же негромко ответила женщина. — Мы не встретились.

— Как так?! Что же вам помешало?!

— У него на квартире убили человека. — Она с удовлетворением наблюдала за тем, как меняется лицо мужа. — Я, можно сказать, нашла труп. Приехала милиция, пришлося объясняться.

— Ты все это серьезно или шутишь? — после паузы проговорил Руслан. Кровь отхлынула от его лица, оно снова приобрело нормальный цвет, а в глазах поселилось растерян-

ное выражение, разом омолодившее мужчину лет на десять. Елена с трудом удержалась от улыбки, иначе он мог бы вообразить, что его дурачат.

– К сожалению, серьезно, – иронично ответила женщина. – Я предпочла бы провести день по-другому, что и говорить.

– Вот черт... – Издевка не дошла до его сознания, настолько он был потрясен. Руслан с изумлением посмотрел на дотлевшую до фильтра сигарету, будто впервые ее обнаружил. Выкинул окурочек в форточку, присел к столу и заглянул в пустую кружку. Поняв этот красноречивый взгляд, Елена снова включила чайник. Она, прожив с мужем более десяти лет, давно научилась понимать его без слов. Получив через пару минут кружку с кофе, мужчина заговорил уже совершенно спокойно. Не верилось, что это с ним только что была истерика.

– Кого убили-то?

– Хозяина квартиры, профессора. – Елена открыла кухонный шкафчик в поисках чашки для себя. «А сейчас мы оба держимся так, будто это самый обычный вечер, – подумала она, оглядывая полки, заставленные посудой. – Но это видимость. По-прежнему уже никогда ничего не будет».

– А этот твой Миша... Его ведь Михаилом звать? Он убитому кто?

– Неизвестно.

– Он правда на свидание не явился?

– Говорю тебе, я его сегодня не видела.

– Вот же черт, – повторил мужчина, снова нашаривая в кармане сигареты. – Может, и его прикончили?

– Я об этом уже думала, – призналась Елена, доставая из холодильника пакет молока. – Телефон не отвечает... И я выяснила пару странных обстоятельств...

Она едва не начала рассказывать мужу о том, как яростно отрицала консьержка любую возможность проживания в квартире посторонних лиц и как невероятно, что любопытные соседки не заметили Михаила и его красную спортивную машину... Но Елена осеклась, встретив сумрачный взгляд супруга. Руслан напряженно о чем-то размышлял и наконец ознакомил ее с результатами своих раздумий, нехотя протянув:

– Ладно, раз ничего не было... Я готов забыть. Только скажи честно, поверю тебе в последний раз – если этот тип снова появится на горизонте, ты с ним будешь встречаться?

– Не могу ничего обещать, – сухо ответила женщина.

– Значит, да? – Лицо мужчины снова начало приобретать опасный багровый оттенок.

Она пожала плечами:

– Ну, а как ты сам думаешь? Михаил полгода за мной ухаживал, проявил столько терпения и такта, стал прежде всего моим другом... И если он снова объявится, я буду очень рада. Хотя бы тому, что он жив. – И так как Руслан молчал, после паузы добавила: – Это и есть правда, только не уверена, что она тебе нужна.

Супруг откашлялся и медленно поднялся из-за стола. Не глядя на нее, пошел к двери и остановился, взявшись за косяк. На фоне белого крашеного дерева его рука показалась совсем темной, красновато-коричневой. У него были на удивление маленькие руки, но Елена знала, какой железной, непререкаемой силой они наделены. Она, при модельном росте метр семьдесят восемь, была на голову выше мужа, но даже в шутку не стала бы проверять, кто победит, случись им схлестнуться. «Он правда пальцем меня ни разу не тронул, но, может, сегодня пришел момент?!» – вдруг подумала женщина, не сводя взгляда с маленькой красной руки, вцепившейся в косяк.

– А как же Артемка? – не оборачиваясь, хрипло спросил Руслан. – О нем ты подумала?

– Я всегда думала о нем больше, чем ему это нужно, – ответила Елена, решив быть честной до конца. – Во всяком случае, Артем не пострадает. Не прикрывайся сыном.

– Значит, по-твоему, девятилетнему мальчишке можно сказать, что его мать завела любовника, и с ним ничего не будет?

– А кто ему скажет? – возразила женщина.

– Мне сказали же!

Она развела руками:

– Это демагогия. Мы обсуждаем то, что еще не случилось.

– Знаешь, – муж явно не слышал ее ответа и продолжал говорить, не оборачиваясь, словно обращаясь к кому-то невидимому, стоявшему перед ним в коридоре, – когда я сегодня ехал в Москву и воображал, что ты вытворяешь с любовником, я хотел тебя убить. Не скандалить, не разбираться – просто убить, чтобы покончить все разом и чтобы духу твоего на земле не осталось. А потом вспомнил о сыне.

Женщина кусала губы, разглядывая упрямый затылок мужа, просвечивающий сквозь редящие черные волосы. Последний год он начал стричься очень коротко, потому что вдруг стал лысеть, но это не помогало, она находила на наволочках все больше крохотных колючих волосинок, похожих на жесткую щетину. «А ведь он говорит правду, – вдруг поняла Елена. – Он может меня убить. Руслан вообще слов на ветер не бросает, это мне в нем всегда нравилось, но так серьезно, как сейчас, он, наверное, еще со мной не разговаривал!»

Она молчала, боясь вставить слово да и не видя в этом необходимости. Руслан откашлялся и повернулся к ней, глядя, однако, в пол. Он начал избегать взглядов жены, видимо, опасаясь, что не справится с собой. Так отводят глаза животные, пытающиеся избежать стычки. Елена окончательно струсила.

– Я подумал, что попаду в тюрьму, на многие годы. Мальчишка останется один, с дедушками и бабушками, возненавидит меня, а как иначе? И я решил не вмешиваться. Делай что хочешь, руки у меня связаны, я буду думать о сыне. Только не позорься, по возможности. Не рассказывай все Лерке.

– Не буду, – пробормотала она, чувствуя, что на этот раз ответить необходимо. – Ты... уходишь?

– Поеду снова на объект, там без меня все остановилось. – Выйдя в прихожую, он начал одеваться. – Ты же знаешь, с кем приходится работать.

– Перемени джинсы, – напомнила она, остановившись на пороге кухни, когда муж начал натягивать куртку. – Ведь они мокрые!

– Плевать, просохнут.

– Простудишься!

– Все вы, бабы, такие! – с ненавистью бросил Руслан, берясь за дверную ручку. – Наплюете в душу, жизнь изгадите, хоть в петлю полезай, и вдруг начинаете переживать из-за каких-то паршивых мокрых штанов! Давай, давай сюда сухие, там переоденусь!

Она молча вынесла из спальни аккуратно сложенные чистые джинсы, муж сунул их подмышку и, пробормотав что-то на прощание, захлопнул дверь. Некоторое время женщина стояла в темной прихожей, будто чего-то ожидая. Когда затих шум лифта, опускающегося на первый этаж, она начала беззвучно, истерично смеяться. Только сейчас Елена поняла, как ему удалось ее напугать.

Глава 3

Успокоиться удалось не сразу, и когда Елена все же взяла телефонную трубку и набрала номер Леры, в ее голосе еще звучали отголоски истерики. Проницательная подруга мигом их уловила и догадалась:

– Вы уже объяснились?

– Знаешь, чем могло кончиться это объяснение?! – возмущенно воскликнула женщина. – Он признался, что хотел меня убить! И убил бы, если бы не Артем! Он сына любит больше, чем меня, и к счастью, потому что иначе...

Не дав ей договорить, подруга принялась оправдываться:

– Неужели хотел убить?! Так и сказал? Если бы я знала, что он такой Отелло, молчала бы, конечно! Но извини, мне просто показалось, что ты готова сделать глупость, разрушить семью ради сомнительного приключения, вот я и... Он мне сам позвонил, иначе я бы ничего ему не сказала, клянусь!

– Да какое ты имеешь право решать за меня, сомнительное это приключение или нет?! – перебила ее Елена. – Скажи на милость, какая хранительница семейных ценностей! Сама сколько раз уговаривала меня послать мужа к черту и вдруг, шагу я не успела сделать, сдала с потрохами!

– Мало ли что говоришь! – окончательно сразила ее подруга. – Я только просила тебя не заикливаться на Руслане, замечать вокруг других мужчин, а то он окончательно зазнается. Небольшая встряска ему только на пользу, вот увидишь, теперь начнет тебя больше ценить. А то куда это годится?! Сама ведь жаловалась, что вы стали, как чужие! Разве раньше так было? Вспомни, как он в женихах за тобой ухаживал, какие букеты дарил! Глаз не сводил, только что Богу на тебя не молился! Честно говоря, я даже немного завидовала. Еще тогда впервые подумала, может, не там суженого ищу? Поэт – это самоопыляющийся цветок, он влюблен сам в себя, а женщине нужен земной мужчина, вот как твой Руслан...

– Ты мне зубы не заговаривай! – От злости не осталось и следа, настолько была ошеломлена Елена. Подруга и не думала отпираться! – Я ведь умоляла тебя молчать, ты слово давала, забыла?! Взяла и растрепала, да еще кому?! Если ты думала таким образом укрепить мою семью, то просчиталась. Кажется, это конец. Самое глупое, что я даже изменить мужу не успела.

– Сорвалось?! – жадно воскликнула Лера. – Что случилось?! Ты не поехала, да?! Ой, я так и думала, что ты не решишься!

– Я-то поехала, он не явился. – Елена собиралась было бросить трубку, но ей помешало простое человеческое желание хоть в ком-то обрести поддержку. Так сложилось, что поплакаться она могла только подруге-предательнице. И потому, понукаемая настойчивыми расспросами, постепенно рассказала ей все.

После недолгого молчания та заявила:

– Ничего ужаснее в жизни не слышала. Что же ты теперь, будешь объясняться с милицией?

– Придется.

– А этот пропал, как не было... Слушай, а ты не думаешь, что он тебя попросту подставил? Прикончил старичка, прибрал квартиру, чтобы отпечатков пальцев не осталось, вручил тебе ключик и смылся?

– Чтобы меня выдать за убийцу, что ли? – невольно усмехнулась Елена. – Ну, тогда он идиот. Я ведь тут же дала его приметы следователю и номер машины назвала. Если он сам убил, в его интересах, чтобы я с милицией не общалась. Слишком многое о нем знаю.

Но Лера не сдалась:

– Если он ни в чем не виноват, почему до сих пор не проявился? Помяни мое слово, ты его больше не увидишь! Вместо первого свидания подсунуть женщине труп! Очень романтично, а главное, не банально!

– А я думаю, он скоро мне все объяснит, – возразила Елена и тихо, почти про себя добавила: – Надеюсь.

Она не стала говорить подруге о своих опасениях по поводу возможной судьбы Михаила, тем более что та с места в карьер пустилась обсуждать колики, мучившие ее трехмесячную дочку. Тема была неисчерпаема, так как ни одного абсолютно надежного средства против этой напасти не существовало. Вскоре Елена убедилась, что невозможно обсуждать с подругой проблемы ее грудного младенца и одновременно эту подругу ненавидеть. Тут приходилось либо прощать, либо бросать трубку. И она выбрала первое.

Вероятно, Лера все же чувствовала свою вину, потому что в завершение разговора попросила:

– Звони в любое время, хоть ночью, я все равно из-за этих колик не сплю. Рассказывай, что у тебя происходит. Не держи все в себе, так с ума сойдешь. Я же знаю, ты у нас великая молчальница!

Елена обещала, но без особого энтузиазма. Ей совсем не хотелось и в дальнейшем откровенничать с человеком, который так легко берет назад свои клятвы.

Положив трубку, она тут же перезвонила сыну. Ей хотелось услышать его смешной басок, в котором так ясно звучала радость жизни – простая, здоровая, лишенная полутонов. Елене самой так не хватало этой простоты, она всю жизнь мучилась сомнениями, которых никто с ней не разделял. Артем пошел в отца, для которого все тоже было ясно и очевидно, и Елена радовалась этому. «По крайней мере, он всегда знает, когда счастлив, а когда несчастен, а я вот часто этого не понимаю...»

Но сын удивил ее. Стоило начать задавать обычные вопросы о здоровье и учебе, как Артем тревожно перебил мать:

– Не знаешь, что случилось с папой?

– А что случилось? – разом осеклась и насторожилась женщина.

– Он сейчас заезжал ко мне, ни с того ни с сего, не предупредил даже! Снял с тренировки... Что-то такое странное говорил, я ничего не понял. У вас с ним все в порядке? Вы не поссорились?

– Нет, все нормально. – Елена твердо решила лгать, пока это возможно. – Ну, ты же знаешь, он после смерти бабушки часто бывает сам не свой.

– О бабушке он не говорил, – задумчиво возразил мальчик. – Папа сказал, что, может быть, все у нас теперь пойдет по-другому. Спрашивал еще, очень я тебя люблю или нет?

– Так и спросил? – холодея, уточнила Елена. Ей вспомнилось страшное признание мужа, его ненавидящий, жесткий взгляд, скрюченные, будто в судороге, пальцы, сжимающие дверной косяк.

– А когда я хотел узнать, что случилось, папа сказал, что всегда будет обо мне заботиться и чтобы я это запомнил. Мам, вы разводитесь?!

Самообладание изменило мальчику, как-никак, ему шел всего десятый год. В голосе зазвучали близкие слезы, и Елена поспешила успокоить сына:

– Милый, что ты выдумал, ты не так понял папу! Мы немножко повздорили из-за того... Из-за твоей спортивной школы, короче. – Женщина выбрала эту причину, так как для Артема она была наиболее убедительной. Он знал, что мать была категорически против его отъезда за город. – Но уже помирились.

– А разве папа не в командировке? – продолжал допрашивать дотошный сын. По его голосу не было ясно, поверил мальчик или нет. – Он сам мне говорил в последний раз, что уедет далеко, в другую область, в новом поселке антенны устанавливать!

– Ему пришлось по делу вернуться в Москву, а теперь он действительно уже далеко. – На лбу у женщины выступила испарина, ладони стали влажными от волнения. Руслан после разговора с ней заехал к сыну и намекал ему... На что, на что конкретно? Мальчик не понял, не понимала толком и она сама... Но опасения, терзавшие ее после стычки с мужем, только усугубились. Елена делано бодро произнесла: – Пожалуйста, выкинь из головы этот разговор, папа не имел в виду ничего плохого. Как дела в школе?

– Легко тебе говорить – выкинь, – проворчал, сдаваясь, Артем. – У нас в классе в этом месяце уже у двоих родители развелись.

– Я тебя спросила, как учеба?

Эту тему Артем, как все дети, не очень жаловал, несмотря на то что учился неплохо. Он быстро свернул разговор и, попрощавшись, первый повесил трубку.

Ожидаемого облегчения не наступило, на душе у Елены стало еще тяжелее, хотя она сама не знала, есть ли смысл так расстраиваться. «Что у Руслана на уме? Развод или... Да не может быть, чтобы он всерьез задумал меня убить, это все слова!» – уговаривала она себя, машинально принимаясь за уборку. Елена уложила разбросанные вещи в шкаф, оправила смятую постель, везде открыла форточки. Пропылесосила ковер, полила цветы, в сотый раз напомнила себе, что нужно подшить оборвавшуюся кромку шторы, и в сотый раз на что-то отвлеклась... Елена не была маниакально аккуратной хозяйкой, в свободное время предпочитала поваляться с книгой, а не полировать мебель, и уборкой сейчас занялась, чтобы отвлечься от дурных мыслей. Но они неизбежно ее нагоняли, что бы она ни делала. Так и сейчас, застыв с тряпкой перед зеркалом, которое давно нуждалось в том, чтобы его протерли, Елена снова вспомнила другую, куда более тщательную уборку, произведенную в квартире покойного профессора.

«Обычно убийцы прибираются, замечая следы, но на этот раз все было наоборот, уборку сделали раньше... Миша ведь планировал ее на вчерашний день! Можно найти фирму, которая принимала заказ, они все подтвердят! Итак, что случилось? Профессор внезапно вернулся из командировки, вошел в свою чистенькую, только что вылизанную квартиру. И... Произошло нечто страшное, изуверски жестокое. Но если так, преступник повсюду оставил отличные, четкие следы, квартиру будто специально к этому подготовили! Даже я, войдя туда, потеряла сознание, не успев почти ничего коснуться. Где могут быть мои отпечатки? На кожаном кресле, на стуле в прихожей, на ручке входной двери... а к ванной я даже не приближалась!»

Давно наступил вечер, за окном повисла сырая мартовская темнота, синяя, горько пахнущая набухшими почками и выхлопными газами. Тем не менее Елена не включила света. Она словно боялась привлечь чье-то внимание и, закончив уборку, уже бесцельно кружилась по квартире, повторяя про себя, как мантру, одну и ту же фразу: «Я почти не оставила следов, почти!»

Звонок мобильного телефона заставил ее содрогнуться. Остановившись на пороге комнаты, она тревожно смотрела на маленький голубой квадратик, внезапно появившийся в темном углу, – оживший дисплей. Он как будто плавал в воздухе, без всякой опоры, и в этом было нечто зловещее. Заставив себя приблизиться, Елена со страхом и облегчением увидела на дисплее имя Михаила.

– Ты, о господи! – воскликнула она, едва нажав кнопку ответа. – Я чуть с ума не сошла! Ты вообще в курсе, что...

– Знаю, – оборвал он поток ее сбивчивых упреков, – все знаю. Я там уже был.

– Вот как? – с нервным смешком осведомилась женщина, ошупью находя стул и присаживаясь. Ее глаза привыкли к сумеркам, света включать не хотелось. В отличие от большинства людей, которые темноты боятся, Елена всегда воспринимала ее как некое успокоительное средство.

– Я только что оттуда. – Михаил говорил на удивление бесстрастно, но женщина различила в его голосе подавленное напряжение. – И как можешь догадаться, в неведении не остался. Сперва на меня набросилась вахтерша, потом еще какая-то женщина в годах, жутко злая, вся на нервах... А завтра буду общаться со следователем. Уже говорил с ним по телефону.

– Так вахтерша... знает тебя? – с запинкой переспросила Елена, пытаюсь разобраться в хаосе возникших у нее вопросов. – А делала вид, что впервые о тебе слышит!

– Может, вы просто не поняли друг друга? – все так же равнодушно предположил мужчина. – И знаешь, я бы предпочел, чтобы ты не изобретала новых проблем. Мне бы с теми, что уже есть, разобраться!

– Я тебе сочувствую. – Почувствовав в его голосе скрытую агрессию, Елена тут же ошетибилась: – Но проблемы появились и у меня! Наверняка я тоже подозреваемая! Я ведь вломилась в квартиру, где было совершено убийство, и даже какое-то время находилась там наедине с трупом! И все это натворил ты!

– Что?! – воскликнул скандализированный собеседник, и женщина сбавила тон:

– Прости! Я не убийство имела в виду, а только наше несчастное свидание... Почему ты не приехал?

– Это отдельная история, – сухо ответил мужчина.

– Но ты даже не позвонил! Даже не отвечал на мои звонки!

– Я не мог. Бывают обстоятельства, когда... Я все объясню, только немного приду в себя. И не хотелось бы по телефону.

– Думаешь, нас могут прослушивать? – испуганно предположила она, перейдя почти на шепот. – Миша, но ты же ни в чем не виноват?!

– Если ты о том, убивал я или... Конечно нет!

– Я с самого начала в это не верила! – выдохнула женщина. – А кем тебе приходится убитый?

– Дальним родственником. – Михаил говорил неохотно, будто клещами вытаскивая из себя слово за словом, но к такой манере она уже привыкла, он и прежде не любил рассказывать о себе. – Сдал мне квартиру на то время, пока жил за границей, за символическую плату, просил присматривать. Никто не ждал, что он вернется сегодня!

– Почему его убили?

Женщина тут же раскаялась, что задала этот вопрос, потому что Михаил взвился:

– Да мне-то откуда знать, господи, боже мой! Как можно меня об этом спрашивать?!

– Прости...

Елена не ожидала, что он услышит это слово, сказанное так тихо, что она сама едва расслышала свой голос. Но видимо, собеседник все же разобрал его, потому что осекся и примирительным тоном предложил:

– Давай оба успокоимся, иначе разругаемся насмерть. И вообще, я хотел бы тебя увидеть. Ты сейчас не дома, я правильно понимаю?

– Почему ты так думаешь? – удивилась женщина.

– Да я сижу в машине у тебя под окнами, а там темно. Или ты все-таки наверху?

– Нет-нет, я у мамы в гостях! – торопливо солгала Елена, сама не понимая, зачем отвергает возможность увидеться.

Она вдруг испытала прилив радости оттого, что нигде не включила света. Увидеться с Михаилом сейчас? Что этому мешало? Муж вряд ли вернулся бы с полдороги. Скорее всего, он уже добрался до коттеджного поселка, затерянного в сосновых лесах, и распекал подчиненных, которые в его отсутствие, как правило, в ус не дули. Гостей она не ждала, они с Русланом не отличались особой общительностью, хотя бы в силу загруженности на работе.

Елена вполне могла бы пригласить Михаила подняться... Но именно это и представлялось ей абсолютно нежелательным и невозможным.

– Может, дождаться тебя? – предложил он.

– Нет, я уехала с ночевкой. – Елена подошла к окну и осторожно выглянула, отыскивая взглядом знакомую красную машину. Она увидела ее сразу же, красный «ниссан» стоял прямо под фонарем. Его низкая покатая крыша блестела от дождя, который становился видимым, попадая в конус света, и на границе его снова пропадал, поглощенный ночной темнотой. Ей показалось, что она различает внутри тлеющий огонек сигареты, но это мог быть обман зрения.

– И потом, – продолжила она, отступая от окна на шаг, чтобы ее случайно не заметили. – Неужели ты еще настроен на свидание? Я до сих пор вся трясусь, даже в обморок сегодня упала. А что будет дальше...

– Не бойся, ты не подозреваемая, а простой свидетель, случайно там появилась! – успокаивал ее заметно разочарованный Михаил. – Какой с тебя спрос? Ты и не видела ничего. Ты же ничего не видела?

– Даже самого трупа, – выдохнула женщина. – К счастью.

– Так давай встретимся, что за детские страхи? Мы оба с тобой ни в чем не виноваты, зачем себя наказывать?

Он настаивал еще некоторое время, но Елена упорно ссылалась на плохое самочувствие, взвинченные нервы, на усталость и трудный завтрашний день. Наконец мужчина сдался, с обидой заметив:

– Мне еще никого не приходилось так долго уламывать! Можно подумать, я урод или дегенерат какой-нибудь! У меня комплексы развиваются от твоих отговорок!

– Дай мне прийти в себя! – умоляла Елена. – Завтра, послезавтра обязательно увидимся... Только не сегодня... ты еще не все знаешь...

– Что такое? – насторожился тот.

– Руслан уже в курсе.

После краткого молчания Михаил поинтересовался, как такое могло случиться.

– Меня сдала подруга, я рассказывала ей о нас с тобой... В самых общих чертах, просто, чтобы поделиться. Не думала, что она способна на такую низость!

– Женщины на все способны, – мстительно ответил он. – Да не расстраивайся особенно, что там было рассказывать-то? У нас с тобой самые, что называется, высокие отношения. Или подружка приврала, а?

– Если бы она приврала, сегодня я тоже могла быть трупом. – Уяснив, что Михаил ничуть не впечатлен ее сообщением, Елена всерьез обиделась. – Конечно, ты и сейчас посоветуешь мне успокоиться, но я-то знаю, с кем живу столько лет. Руслан слов на ветер не бросает. Он хотел меня убить.

Мужчина легонько присвистнул, и Елена, поморщившись, отняла от уха трубку.

– Да не принимай близко к сердцу, это он сболтнул сгоряча! – Михаил едва не смеялся, и это, на ее взгляд, было так возмутительно, что женщина с трудом сдерживала нарастающий гнев. Он отмахивался от нее, когда она рассчитывала услышать слова сочувствия и тревоги!

– А ныне покойный профессор не говорил тебе, что его кто-то хочет убить? Может, ты тоже советовал не принимать это близко к сердцу? – ядовито осведомилась она.

– Представь, он никогда ни на что не жаловался!

Сарказм не достиг цели, и женщина чувствовала себя уязвленной вдвойне. Михаил увлеченно продолжал:

– Это была исключительно умиротворенная личность. Человек находился в полной гармонии с окружающим миром, а точнее, он очень мало о нем знал. Тип сумасшедшего профессора, понимаешь?

– Я понимаю то, что не сегодня-завтра мне придется снова беседовать со следователем, а сказать-то нечего! – в сердцах ответила Елена. – Когда убили профессора, не знаешь? Мне ведь потребуется алиби, наверное?

– А я тебе говорю, ты слишком серьезно относишься к пустякам. – В его голосе по-прежнему звучала ирония, и это, по мнению Елены, граничило с кощунством, даже если родство с покойным было очень дальним. – Никто и не подумает тебя обвинять в убийстве. Честно говоря, я не особенно за себя переживаю. Потрясен – что да, то да!

– Потрясен? Не похоже что-то, – заметила она.

– Ну, не биться же мне головой о стену потому, что убили человека, с которым я за всю жизнь сотни слов не сказал!

– Как так? Он же оставил на тебя квартиру?

– Тогда, собственно, мы с ним и поговорили впервые, как следует, – фыркнул Михаил. – Да и то обошлись парой фраз.

– Значит, вы очень дальняя родня?

– Строго говоря, мы вообще не родственники, – признался мужчина. – Есть точка соприкосновения, да и то весьма условная. Знаешь, у меня такое впечатление, что ты все не решаешься задать мне один вопрос... Я этот вопрос сегодня на всех лицах читаю, во всех глазах. Все хотят спросить, и никто не отважился. Унаследую ли я квартиру и прочее имущество покойного? Им ведь при всей его бытовой наивности нажито было немало!

– Ну и?.. – прервала повисшее молчание женщина. – Унаследуешь что-то?

– Ни шиша! – легко и, как ей показалось, радостно, ответил Михаил. – Именно потому я могу спокойно всем смотреть в глаза. Мне от его смерти выгоды никакой, напротив, одни неудобства. Придется новую квартиру искать. И уж конечно, никто мне не сдаст жилье за такие смешные деньги, как бедный дядя Вадик.

– Зачем тебе съемная квартира? – поинтересовалась Елена. – Разве своей нет?

– Знаешь, после развода и раздела имущества я решил больше не обрывать собственностью, – все в том же легкомысленном тоне ответил тот. – И чувствую себя замечательно, сплю спокойно. У меня, по правде, из имущества только машина, да и на той езжу по доверенности. Остальное все напрокат.

– Кстати, о машине! Соседки почему-то не вспомнили твой «ниссан», хотя не заметить его трудно, согласишься. Я и тебя им описывала, и все напрасно. Это что, местный всеобщий заговор?

Мужчина коротко хохотнул:

– Ты, я вижу, провела целое расследование! Значит, тетушки не узнали меня с твоих слов? Интересно было бы послушать, как ты меня описала... Может, я сам бы себя не узнал. А машину я всегда оставлял на платной парковке, через два дома. Заметила, как заставлен тамошний двор? Ведь это ад крошечный, иголку не втиснешь, там паркуются все соседние учреждения. Жильцы сколько раз жалобы, петиции писали, хотели въезд во двор ограничить, и я тоже подпись ставил за дядю Вадика – бесполезно. Мораль простая – всем жить надо! Ну, так что, ты не созрела для свидания?

И когда женщина повторила отказ, Михаил наконец попрощался. Вновь подкравшись к окну, Елена следила за тем, как его машина выползает на проезжую часть и медленно покидает двор. У нее было странное чувство, будто она только что избежала некоей опасности, но в чем она могла заключаться, Елена не знала. Внезапно явилось ощущение, что продолжается прошлая ночь. Вновь она стояла у растворенной настежь форточки, ловила губами сырой, пахнувший весной воздух, и снова у нее перехватывало горло от тошного, необъяснимого страха, тесно связанного с образом мужчины, чей голос только что звучал в трубке.

«Я еще не согрешила, а уже расплачиваюсь – кошмарами, сорванными нервами, головной болью! – подумала она, закрывая форточку и включая наконец свет. – Да еще этот труп,

да еще Руслан сходит с ума, а ребенок задает неудобные вопросы... Долго врать не получится, если я не помирюсь с мужем. Помириться, бросить Мишу, все забыть?!»

Елена придиричиво спросила себя, возможен ли такой исход, ведь страстной любви, ради которой идут на самые тяжелые жертвы, она не испытывала. Ее влечение к Михаилу было вызвано душевным голодом, скукой обыденной жизни, в которой не было ни тени романтики, ни щепотки той соли, без которой все кажется пресным. «Могу ли я бросить его?»

И ответ, всплывший из глубин ее души, поразил женщину парадоксальностью. «Да, я могла бы все бросить, разорвать... До нынешнего дня. До того момента, когда увидела пятна на паркете, услышала про труп, упала в обморок. Только сегодня, именно сегодня мы с ним оказались связаны, и чужая, не нами пролитая кровь связала нас теснее, чем все свидания, ужины, разговоры по душам, новогодние подарки и поцелуи...»

* * *

На следующее утро женщина, как обычно, встала по звонку будильника. Она торопливо приняла душ, намазала ломтик хлеба плавленым сыром и уселась перед телевизором с чашкой кофе. Елена с грустью думала о том, что сегодня пятница, а так как вчерашний отгул, взятый ради свидания, придется отрабатывать в воскресенье, то выходных у нее на этой неделе вовсе не будет.

«Если бы я могла предугадать, чего ради просила отгул! Просто не могу поверить, что вчера все это случилось! Похоже на дурной сон!»

Но она думала так лишь потому, что вчерашние события никак не укладывались в привычную схему ее жизни. В их реальности женщина нимало не сомневалась, и реальность эта тут же о себе напомнила – еще прежде, чем Елена успела доехать до места работы. Увидев на дисплее зазвонившего телефона незнакомый городской номер, она сразу поняла, кто ей звонит и по какому поводу.

– Приехать прямо сейчас? – растерялась Елена, отходя к стене подземного перехода метро, чтобы не мешать потоку пассажиров, стремившихся попасть на станцию. Сегодня, против обыкновения, она воспользовалась городским транспортом, так как после вчерашних приключений чувствовала себя разбитой и не решилась сесть за руль. – Я опоздаю на работу!

– Мы вам дадим справку, где вы были, если надо, – пообещал молодой мужской голос.

– А нельзя подъехать после работы? – Елена всеми силами старалась оттянуть неприятный момент в смутной надежде, что в суматохе следствия про нее попросту забудут. Она вовсе не считала себя таким уж важным свидетелем, поскольку ничего не видела. Однако молодой человек, вероятно, помощник следователя, резко заметил:

– Желательно, чтобы вы приехали сейчас же. В ваших же интересах.

– В моих... – пролепетала женщина и сдалась. Зловещая и загадочная фраза, смысла которой она предпочла не уточнять, выбила ее из колеи. По указанному адресу Елена добралась в самых растерзанных чувствах, в тысячный раз спрашивая себя, в чем ее могут подозревать?

Приняли ее без проволочек. Вскоре она уже сидела в безликом кабинете, обшитом деревянными панелями, вероятно, еще в восьмидесятых годах, когда такая отделка считалась верхом роскоши. О восьмидесятих тут говорило многое. Еще с той поры сохранились огромные, от пола до потолка, окна с толстыми мутноватыми стеклами, за которыми раскинулась урбанистическая панорама – железнодорожные пути и дымящиеся фабричные трубы... В кабинете стояла полированная, тусклая от времени и плохого ухода мебель, над письменным столом висел большой портрет Дзержинского. На портрет Елена взглянула с изум-

лением. Вчерашний следователь, неразборчиво представившись, перехватил ее взгляд и с улыбкой кивнул:

– Красота, а? Я тут ретро собираю, мне ребята со всего района подарки привозят. Отличные вещи списывают, представьте, а я считаю, это нехорошо. Вот мне их и везут, знают, что я ценитель. Как у вас дела? Опомнились после вчерашнего?

– С трудом, – призналась Елена, усаживаясь на стул с потрепанной обивкой, красноречиво поставленный перед письменным столом.

– А у нас тут столько разговоров об этом. Телевидение уже раструбило, видели сюжет?

– Я криминальные новости не смотрю.

– И правильно, нервы целее будут. – Мужчина заглянул в чайник, стоявший на низком подоконнике, и, долив воды из пластиковой канистры, включил его. Чайник, как заметила Елена, был вполне современный, а не алюминиевый агрегат со съемным проводом, его вымерший прародитель. – Дело уже назвали убийством месяца! Может, даже к концу года позиций не сдадим. У меня вот такого случая на руках еще не было. Убивать убивают, что и говорить, но вот чтобы головы отрезать... Похоже на месть, как вы считаете?

Елена решительно отказалась что-либо «считать», отрицательно помотав головой. Следователь понял ее движение по-своему:

– Вот и я думаю, что это неоднозначно. Сам почерк очень уж экзотический, голову долой... Прямо казнь какая-то, в восточном стиле.

Женщина продолжала отмалчиваться, благоразумно рассудив про себя, что чем меньше она скажет, тем больше услышит. Хозяин кабинета тем временем готовил чай. Опустив пакетики в два стакана, залив их кипятком и открыв сахарницу, он вдруг застыл, задумчиво глядя в окно. Казалось, его внимание было поглощено зрелищем медленно ползущего товарного состава, исчезающего в распахнутых вдали воротах фабричного двора. Тяжелое гроыхание поезда слышалось даже здесь, на высоте двенадцатого этажа. Наконец он подцепил алюминиевыми щипчиками два куса рафинада и, опустив их в свой стакан, побормотал:

– Месть не месть, но профессора еще и ограбили...

– Квартиру ограбили? – вырвалось у Елены.

– Да, и там было что взять, скажу я вам! – Окончательно очнувшись, мужчина поставил оба стакана на стол и придвинул госте сахарницу. Держался он в высшей степени неприужденно, как будто Елена просто зашла к нему выпить чаю и поболтать. Этот допрос она представляла себе совершенно иначе.

– Мне вчера вечером положили на стол опись пропавшего имущества, и внушительный получился список. – Следователь говорил доверительно, будто радуясь случаю с кем-то поделиться информацией. – В основном там значится золотишко, разные камушки, в том числе бриллианты. Это профессор покойную жену баловал, дарил ей немало. И воры, понятно, шкатулку с драгоценностями выгребли подчистую! Странно, что на нее не позарились, эта шкатулка сама по себе драгоценность. Слоновая кость с нефритовыми вставками, старинная индийская вещица, профессор привез жене с какой-то конференции. Но публика попалась, видно, бывалая. Сообразили, что, если засветиться с такой штукой в антикварном или ломбарде, сразу заметут, потому что вещь в своем роде единственная. А золото, камушки всегда можно так по скупкам рассовать, что никто не дернется. Желаете списочек почитать?

Женщина пожала плечами. Она начинала всерьез недоумевать, зачем ее вызвали. Чтобы ознакомить с ходом расследования? «Но я даже не родственница покойного!»

– Меня это все не очень интересует, – осторожно произнесла она, не прикасаясь к протянутому ей листу бумаги. – Я ведь его не знала... И вообще, попала в ту квартиру случайно.

– А я помню! – жизнерадостно согласился следователь, продолжая держать листок перед самым лицом Елены. – Роковая случайность, что и говорить. Все-таки почитайте. Вы

с Шапошниковым общаетесь, вам не помешает со списочком ознакомиться. Вдруг что знакомое мелькнет?

– С... Михаилом? – Услышав впервые фамилию своего поклонника, женщина не сразу поняла, о ком идет речь. – Но не думаете же вы, что он мог украсть...

– Ну, что вы! – Возможно, ей почудился странный блеск в глазах собеседника, так как говорил следователь по-прежнему приветливо и почти шутливо. Так или иначе, Елена настоярилась окончательно и взяла список с неохотой, будто ей предлагали отведать подозрительное зелье. – Ничего я не думаю. Вы себе даже не представляете, как у меня мало идей касательно этого дела. А убитый-то оказался мировой знаменитостью, нам уже из Академии наук звонили, ученый секретарь интересовался, какие у нас результаты. Результаты! – Он всплеснул руками и с дозой отхлебнул чуть не полстакана остывшего чая. – Им сразу подавай результаты, а где их взять, скажите на милость? Хоть самому себе голову отрежь, ничего не выдумаешь!

Елена почти не слушала, читая список пропавших драгоценностей. Перечисление ювелирных украшений, судя по описи, очень дорогих и наверняка удивительно красивых, не будило в ней завистливого чувства. У нее лишь появилось ощущение, что эта масса золота и драгоценных камней была чрезмерной для одной женщины, пусть даже очень корыстолюбивой и кокетливой. До ее слуха внезапно долетел обрывок монолога, который произносил тем временем следователь.

– Видите, какую грудь он успел надарить жене, всего за десять лет брака! Что значит, большая разница в возрасте! Она ведь была его младше на двадцать два года, так-то! Кто бы подумал, что он ее настолько переживет! И умерла молодой, в возрасте Христа, в тридцать три... Я уж и этим поинтересовался, как, отчего. Никакого криминала – расслоение аорты, «скорая» приехала уже к мертвому телу. Говорят, профессор страшно убивался!

– Умерла? Да, я слышала, – пробормотала Елена, не отрывая глаз от листа бумаги. Она уже дочитала список до середины, благополучно пробравшись сквозь бриллианты, изумруды и сапфиры. Дальше шли вещи помельче и подешевле, и все же, даже навскидку, их хватило бы трем-четырем женщинам за глаза. – Когда же она умерла?

– Семь лет назад, – с готовностью ответил следователь. – Дочку он воспитывал один, к счастью, девушка уже вполне взрослая. Она-то нам этот списочек и предоставила, мы с ней вчера вечером встретились. Бойкая барышня. Читаете?

– Читаю... – Женщина пробежала взглядом еще не сколько строчек и вдруг споткнулась на следующем пункте, вновь и вновь повторяя про себя одни и те же слова. Она пыталась двинуться дальше, убедить себя, что это чепуховое, глупое совпадение, в котором нет ничего удивительного, потому что украшения в конце списка значились рядовые, какие можно купить в любом ювелирном магазине... Но сидела неподвижно, сжав подрагивающими пальцами листок.

Бумаге передалась ее дрожь, и мужчина, стоявший в паре шагов от Елены, это заметил. Она не поднимала головы и поняла, что он за ней наблюдает, по заданному вопросу, небрежному, почти веселому:

– Свое сердечко аметистовое нашли?

Ее рука невольно метнулась к вырезу блузки, в котором блистала лиловая капля света. Елена так привязалась к этому украшению, что почти не снимала его, разве принимая душ или ложась спать. Следователь спокойно продолжал:

– Я, понимаете, на эту штучку еще вчера внимание обратил, когда с вами на квартире нянчился, в чувство приводил. Симпатичная вещица, конечно. Только как же вы так неосторожно ее носите... Даже и сегодня ко мне явились, думай, мол, что хочешь!

– Почему вы решили, что это вещь из той шкатулки?! – срывающимся голосом осведомилась Елена, пытаясь призвать на помощь остатки воли. У нее дрожали уже и губы, она едва выговаривала слова. – Ее можно купить где угодно.

– Где вы ее купили в таком случае? – уже совсем другим тоном спросил мужчина, усаживаясь за стол и доставая из выдвинутого ящика папку. – Адрес магазина, дата покупки? Чек остался?

– Мне ее подарили на Новый год!

– Кто подарил?

– Михаил. – Елена ответила торопливо, ни на миг не задумавшись, что можно и солгать. Ей было слишком страшно, она и без многозначительных взглядов следователя понимала, что подобное совпадение невероятно.

– Шапошников?

– Да, но... кулон был в футляре, и совершенно новый...

– Там все совершенно новое. Что-нибудь еще из этого списка знакомым показалось? Показывал вам Шапошников что-то в этом роде? Предлагал подарить или купить у него?

– Нет-нет, ничего!

– Ну, а как же! – зловеще бросил тот, принимаясь быстро писать на чистом листе, извлеченном из папки.

Женщина с ужасом следила за резкими движениями ручки, спрашивая себя, удастся ли ей сегодня вообще уйти из этого здания.

– Вот. Прочитайте и подпишите, – перевернув папку, приказал следователь. – Записано с ваших слов, что Шапошников сделал вам этот подарок на Новый год, два с половиной месяца назад. Верно?

– Верно. – Она покорно поставила подпись там, где ей указали, и подняла увлажнившиеся, умоляющие глаза: – Я ничего не подозревала, клянусь, я абсолютно ни при чем! Снять кулон?

– Да уж снимите. – Он снова порылся в ящике, извлек чистый пакет и протянул его Елене. – Кладите сюда. Изъято как вещдок, сейчас протокол составим.

– Возьмите так, – не подумав, пробормотала женщина, чем вызвала внезапную вспышку гнева у хозяина кабинета. Пригвоздив ее к стулу уничтожающим взглядом, тот ядовито поинтересовался, нужно ли ему разрыдаться от такого великодушия, и можно ли отнести этот щедрый подарок жене, у которой как раз скоро именины?

– Подписывайте, – черкнув что-то на бланке, снова приказал он, и Елена уже безмолвно поставила подпись. – А вот вам пропуск на выход. Идите и больше не грешите.

– Что? – Она не скрывала слез, поднимаясь со стула. – Что вы говорите?

– Я говорю, моя милая, – повысил голос мужчина, – что вы либо невинная овца, которую даже как-то стыдно резать, либо такая продувная бестия, которой нипочем явиться на допрос по мокрому делу с краденой побрякушкой на шее. Будете потом во всех кабинетах повторять, что ничего не подозревали, поэтому кулончик спрятать не догадались.

– Клянусь вам, я... – начала было Елена, но следователь ее оборвал:

– Все, до свидания. Только не устраивайте истерики, я сейчас не в том настроении, чтобы валерьянкой вас отпаивать. Со своим приятелем будьте поаккуратнее и, если хотите помочь, после любого контакта с ним отзванивайте и рассказывайте мне, как и что. Если согласны, дам свой мобильный.

Елена выразила полное согласие помогать, и ее снабдили визитной карточкой, а также советом не терять головы.

– Я на самом деле думаю, что вы по уши вляпались в чужое дерьмо, – прежним, приветливым тоном заключил на прощание следователь. – И чтобы не увязнуть в нем еще глубже,

сейчас нужно поменьше дергаться. А насчет Шапошникова скажу одно... Почему такие темные, скользкие типы всегда умудряются заводить симпатичных подружек?

Эта неуклюжая игривость произвела на нее самое тяжелое впечатление, хотя была призвана поднять ей настроение. Выйдя из кабинета, Елена едва не бегом пустилась прочь по длинному коридору. Только успев сесть в лифт, идущий вниз, женщина перевела дух, хотя никто за ней не гнался.

Глава 4

Она появилась на работе незадолго до полудня и покорно выслушала отповедь, произнесенную старшим менеджером салона. Он говорил и говорил, а Елена покаянно кивала, словно соглашаясь с каждым его словом, попутно в сотый раз обдумывая вопрос, почему этот солидный лысеющий мужчина выбрал для себя такое немужественное занятие – торговать тканями для штор, обивкой для мебели и швейным прикладом. Наконец тот взял последний, мощный аккорд:

– А если вам кажется, Елена Дмитриевна, что вы, проработав тут пять лет, уже можете приходить, когда вздумается, то...

– Я задержалась в милиции, Петр Алексеевич, – кротко ответила она, посылая начальнику самый небесный взгляд, на какой только была способна. Порой Елена умела придавать своим круглым голубым глазам глупо-невинное выражение, которое многих сбивало с толку. – Давала показания по делу об убийстве.

– К-хак! – откашлялся тот, разом утратив начальственный апломб. – Что случилось?!

– У меня ничего, слава богу, а вот у соседей убили человека. Об этом даже вчера в новостях было, не знаю только, по какому каналу.

– Но это все равно, не значит... – запинаясь мужчина, пытаясь вновь связать прерванную нить своей нотации. – Не значит, что можно...

– Ему отрезали голову, представьте себе! – Елена выразительно провела ребром ладони по горлу, окончательно лишив собеседника дара речи.

Она прошла в глубь салона, туда, где располагалась комната персонала, стягивая на ходу плащ и спрашивая себя, удалось ли ей наконец поставить на место этого типа. Не то чтобы старший менеджер был злобным чудищем, отравлявшим жизнь подчиненным... Напротив, ему не чуждо было чувство справедливости, и если он делал выговоры, то по делу, вот как сейчас. Но все у него получалось так нудно, тоскливо, монотонно и походило на бесконечный морозящий дождь глубокой осенью, который то затихает ненадолго, то приступает с новой силой, барабанив все одну и ту же песню... Петра Алексеевича в салоне не любили.

Через полчаса новость облетела весь салон. Близкие знакомые расспрашивали Елену о подробностях, а те, с кем она лишь здоровалась, провожали женщину заинтригованными взглядами. Ее соседка по отделу, Люся, хронически простуженная миниатюрная девушка, возбужденно сопела от любопытства, изобретая вопрос за вопросом:

– А ты тело видела? А что следовательно говорит? Подозреваемые есть? А тебя саму не подозревают?!

– Да что ты! – с непринужденной улыбкой отвечала Елена, пролистывая каталог образцов, в чем не было никакой нужды, так как их отдел был пуст, а единственный посетитель огромного салона бродил в дальнем конце, рассматривая выставку ковров. – Я даже почти не свидетель. Так, под руку подвернулась.

– Я бы с ума сошла от страха, – призналась девушка, роясь в сумке в поисках новой пачки бумажных платочков. – Отрезали голову, это же, это... А вдруг убили вовсе не профессора?!

– Как это?! – изумилась женщина.

– Да так, подкинули чье-то там тело, а голову унесли, чтобы не опознали!

– Слушай, тебе с такой фантазией надо триллеры сочинять, а не шторы проектировать! – Елена присела к столу, отодвинув в сторону тяжелые альбомы сшитыми кусками тканей. – Смысл всего этого? Хотя давай вообще сменим тему! Я и так только об этом думаю!

– Смысл? – Люся не обратила внимания на ее просьбу. – Очень просто, кто-то хочет получить наследство!

– А профессор, по-твоему, жив? – иронически осведомилась Елена.

– Может быть, – пробормотала та, понижая голос и незаметно кивая на подходившую к ним супружескую пару.

Полная дама средних лет оглядывала ткани на вешалках с самым подозрительным и даже брезгливым видом, будто предвидя попытку себя надуть и подсунуть заурядный товар по цене модного хита. Супруг обреченно плелся сзади, и обе продавщицы, взглянув на него, сразу поняли, что им предстоит нелегкая битва. На лице мужчины было написано, что он предвидит долгую мучительную пытку, которая, скорее всего, ничем не увенчается.

– Я тебе потом скажу, что думаю, – углом рта шепнула Люся и устремилась навстречу покупательнице с приветливым и в то же время независимым видом. Она была отличной продавщицей и умела угодить клиенту, не будучи навязчивой.

Елена не слушала, о чем заговорили обе женщины, не обращала внимания на мужа покупательницы, слонявшегося по отделу. Она отошла в сторону, чтобы не мешать Люсе, и остановилась в самом углу, под мансардным окном, за которым виднелось такое яркое, лазурное, весеннее небо, что женщина вдруг ощутила себя заточенной в душную коробку, доверху набитую тряпичным хламом.

«И так я живу уже пять лет и проживу еще неизвестно, сколько, потому что это тихая, надежная пристань, где хоть золотых гор не заработаешь, но на хлеб с маслом хватит. А что еще нужно человеку для жизни? Что?!»

Она задавала себе этот короткий вопрос до тех пор, пока он не превратился в бессмысленный звук. Этой игрой Елена забавлялась еще в детстве, подолгу повторяя одно и то же слово, пока оно вдруг не теряло всякий смысл. И в этом было что-то пугающее, схожее с черной магией, будто ей удавалось стереть значение слова не только из своего сознания, но и вообще из человеческой памяти. Затмение длилось не больше минуты, уничтоженное слово возвращалось, вновь наполнившись смыслом, будто собака, которую хозяин отогнал было и которая вновь ластится к нему, униженно виляя хвостом.

«Что?.. Что?.. Что?..»

– У тебя телефон в сумке звонит. – Неслышно подошедшая сзади Люся тронула приятельницу за локоть. Та, содрогнувшись, обернулась. Теперь она и сама слышала настойчивое пиликанье своего мобильного. – А мадам ушла, ничего ей не понравилось.

– Так я и думала!

Взяв сумку, висевшую на спинке стула, Елена достала телефон и увидела на дисплее незнакомый номер. «Ну, не дай бог, снова следователь! У меня от него мурашки по коже!» Но там раздался голос, судя по звучанию, принадлежащий совсем молодой девушке:

– Это Елена?

– Да, – призналась она, переводя дух. Женщина ожидала, что звонившая представится, так как узнать ее по голосу никак не могла, но девушка вдруг замолчала. – Алло? – вопросительно произнесла Елена.

– Я здесь, не знаю только, как начать, – тут же откликнулась девушка. – Мы не знакомы. Скажите, это вы вчера нашли тело Вадима Юрьевича?

– С кем я говорю? – Похолодев, Елена плотнее прижала трубку к уху, чтобы до Люси не долетали слова собеседницы. Отходя на прежнюю позицию, к окну мансарды, она повторила, словно играя в свою давнюю игру: – Кто вы? Кто вы?

– Не хотелось бы представляться по телефону, – ответила та. – Долго объяснять. Давайте увидимся?

– Зачем? Я ничего не знаю. И знать не хочу! – после краткой запинки, добавила женщина.

– А мне как раз хотелось бы кое-что узнать, – не смутившись, заявила девушка. – Я много времени не отниму.

– Я на работе!

– Могу приехать к вам на работу. – Ее собеседница говорила с невозмутимой настойчивостью, как человек, не привыкший, чтобы ему отказывали. – Назовите адрес, я возьму такси и быстренько подъеду.

– Мне нечего вам сказать! – повысила голос Елена, уже не заботясь о том, что ее могут услышать. – Тем более, вы не представились, так что я вам ничем не обязана!

– Вот как? – Теперь в голосе девушки звучала явная насмешка. – Есть такое правило?

– У воспитанных людей есть! – резко ответила Елена. – Все, хватит, поговорили!

– Меня зовут Кира, я дочь Вадима Юрьевича.

Эти слова прозвучали прежде, чем женщина успела отнять трубку от уха, и теперь она очень об этом жалела. Елена была убеждена, что, прерви она разговор прямо сейчас, девушка не стала бы перезванивать. Слишком категорично звучали все ее высказывания.

– И все-таки я ничем не могу быть вам полезна, – после неловкой, затянувшейся паузы проговорила Елена. Она ругала себя за нерешительность, из-за этого странного молчания дочь профессора могла вообразить, будто ей есть что скрывать. – Это правда, уверяю вас. Зря потратите время.

– Мое время ничего не стоит, – иронично заметила Кира. – Да я и вас не сильно задержу, задам пару вопросов...

– Ну, хорошо, – сдалась женщина, уяснив себе наконец, что имеет дело с особой, которая привыкла добиваться своего. – Через полчаса у меня как раз начнется перерыв на обед.

Услышав адрес, Кира пообещала успеть к указанному времени. Она едва попрощалась, сразу оборвав разговор, будто очень торопилась в дорогу. Кладя замолчавший телефон обратно в сумку, Елена впервые задумалась о том, сколько может быть лет этой девушке. В голове у нее мелькали обрывки разговора со следователем. «Десять лет брака... Жена умерла семь лет назад... Девушка уже вполне взрослая...»

– Ей должно быть шестнадцать-семнадцать, если не меньше. – Она произнесла это вслух и сразу напоролась на внимательный взгляд Люси, которая, как всегда, умудрилась подобраться незаметно.

– Неприятности? – сочувственно спросила та. – Из-за убийства?

– Как догадалась?

– Видела бы ты свое лицо! – Люся скроила гримасу, полную страха и отвращения. – Будто тебе живую крысу показали, честное слово!

– Хуже, Люська, хуже. – Елена с нарастающей паникой взглянула на часы. Время близилось к обеденному перерыву. – Слушай, прикрой меня, нужно сделать пару важных звонков, а если наш угод замечет, будет скандал!

Та мгновенно поняла и, бросив косой взгляд на Петра Алексеевича, важно гуляющего по салону, кивнула:

– Иди. Если что, скажу, что ты поехала на склад за новыми образцами. У них как раз курьер заболел, должен же их кто-то привезти?

– Правда курьер заболел? – удивилась Елена, пару дней назад видевшая этого жизнерадостного румяного парня.

– Нет, конечно! Но не соврешь, не проживешь.

«Особенно, когда запрещают разговоры по телефону в рабочее время», – закончила про себя Елена, с самым озабоченным видом пересекая салон под носом у своего недруга. Она даже не взглянула в его сторону, будто очень спешила, и уловка сработала, Петр Алексеевич ничего не заподозрил.

Оказавшись на улице, Елена спохватилась, что оставила наверху плащ. День был ясный, но ветреный, и середина марта совсем не годилась для прогулок в одной блузке. Вернуться было невозможно, мелькание взад-вперед тут же привлекло бы внимание начальства. Перебежав улицу, женщина торопливо укрылась в кафе, где обычно обедала вместе с коллегами, и набрала номер, значившийся на визитке следователя.

Слушая длинные гудки, она спрашивала себя, верно ли поступает. «Он велел мне отчитываться во всех контактах с Мишей, но, кто знает, может, Кира еще опасней? Она предоставила им список драгоценностей... Как ее назвал следователь? “Бойкая барышня”? Может, нам вовсе нельзя встречаться?»

Евгений Леонидович Журбин – она наконец запомнила имя следователя, держа перед глазами визитку, – так и не взял трубку. Выругавшись, женщина нажала кнопку отбоя и, подойдя к стойке бара, заказала кофе со сливками. Барменша, знавшая ее пятый год, приветственно кивнула:

– Не рано вышли без пальто?

– А, так получилось. – Елена обреченно махнула рукой, придвигая к себе налитую чашку.

– Вид-то у вас не очень, чтобы... – та продолжала рассматривать постоянную клиентку. – Не заболели?

«А правда – взять и заболеть! – мелькнуло в голове у Елены, пока она вяло что-то отвечала, попутно выискивая взглядом свободное место за столиком. – И все бы с меня слезли, а то чувствую себя козлом отпущения! Ну, зачем я этой Кире? Кем она меня считает? Девушкой по вызову, что ли?!»

Елена вспомнила откровения соседки с восьмого этажа, и в тот же миг ей стало понятно, как наследница профессора заполучила номер ее мобильного телефона. «Сама виновата, нечего расшвыривать свои координаты направо-налево! Ты бы еще адресок оставила! Кто знает, не нашли бы и тебя в ванной, с отрезанной...»

– Здравствуйте! – произнес юный голос прямо у нее за спиной.

Обернувшись, Елена увидела молоденькую темноволосую девушку в красной флисовой куртке и потрепанных джинсах. Забрызганные грязью кеды, парусиновая сумка через плечо, дерзкое миловидное лицо без признаков косметики – Кира оказалась совсем не такой, какой нарисовало ее воображение женщины. Та представляла себе холеную балованную барышню, капризную инфанту, наследницу баснословной шкатулки с драгоценностями, а перед ней стоял угловатый подросток, чей небрежный наряд в целом едва ли стоил сотню долларов.

– Вы Лена?

– Да, идемте, сядем. – Елена очень кстати высмотрела освобождающийся столик, и первая двинулась к нему, прихватив чашку. Ни при каких обстоятельствах она не стала бы вести беседу при барменше, известной своей болтливостью.

Когда девушка уселась напротив нее, бросив сумку на третий, свободный стул, Елена рассмотрела свою новую знакомую как следует. Она сразу же должна была признать, что та очень хороша собой. Впечатление терялось из-за явной неухоженности, какой-то показной небрежности к своему внешнему виду. «Но этим обычно болеют подростки, а ей... Лет семнадцать?»

Кира достала сигареты:

– Не возражаете?

– Тут все курят, – пожала плечами Елена, удивленная тем, что девушка спросила ее согласия. У Киры был вид человека, которому плевать на мнение окружающих, но эта фраза показывала, что впечатление ошибочно.

– Значит, вы нашли отца? – Чиркнув зажигалкой и выпустив клуб дыма, та пронзительно посмотрела на собеседницу. У Киры были светло-серые глаза, казавшиеся особенно светлыми в обрамлении густых черных ресниц, не тронутых тушью. Ее взгляд настораживал, как взгляд дикого зверя, в равной степени готового и удрать, и напасть. «Она похожа на пуму, на молоденькую пуму, которую мы летом видели в зоопарке с Артемкой».

– Не совсем так. – Елена откинулась на спинку стула, инстинктивно отстраняясь от дыма. – Нашел его милиционер, ваш сосед со второго этажа, как я поняла. Его привела наверх консьержка.

– Тетя Настя? – Кира криво улыбнулась и, сделав еще одну затяжку, вдруг потушила в пепельнице едва закуренную сигарету. – Да, эта умудряется всегда быть в первом ряду. А чего ради она вдруг побежала наверх?

– Вот и я спросила у нее то же самое. – Елена не сводила глаз со скрученного окурка, продолжающего испускать тонкий голубой дымок.

Уловив направление ее взгляда, девушка раздавила сигарету окончательно и сердито заметила:

– Могли бы честно сказать, что не выносите дыма, а эти ваши многозначительные мины совершенно ни к чему. Это чтобы я чувствовала себя виноватой?

– Боже мой, конечно нет! – Елена была обескуражена таким резким поворотом беседы. – А вы погасили сигарету, потому что я отодвинулась? Курите, мне не мешает!

– А я не нуждаюсь в одолжениях! – желчно ответила та. Сейчас нахохлившаяся, угловатая девушка еще больше походила на подростка, целиком состоящего из вопросов и проблем, хотя, судя по ее возрасту, этот этап должен был уже остаться позади. – Почему же все-таки тетя Настя бросила пост и поднялась на девятый этаж? Что вы там делали, интересно?

– Вы допрашиваете меня, будто я в чем-то виновата! – не выдержала женщина. Нервность собеседницы заразила ее, Кира прямо-таки испускала флюиды агрессии и тревоги. – А меня пригласили в гости, только и всего!

– Кто пригласил? – Взгляд серых глаз сделался жестким.

– Миш... Михаил, родственник хозяина квартиры, – быстро поправилась Елена. – Вы его знаете?

– Случалось встречать. – Кира пыталась вложить в эти слова иронию, но получилось просто зло. – Так он дал вам ключ от папиной квартиры?

– Вы и это знаете?

– А что он сказал про квартиру? – Девушка игнорировала прозвучавший вопрос, продолжая сверлить собеседницу пронизывающим взглядом, от которого той делалось жутко. – Сказал, куда вас приглашает? Или вы не поинтересовались?

– Вообще-то я не обязана вам отчитываться, – напомнила Елена, пытаясь сохранить остатки самообладания, которого эта девица лишала ее напрочь. – Но понимаю, в каком вы состоянии, поэтому скажу. Михаил сказал, что профессор уехал на год в заграничную командировку, а квартиру сдал ему за небольшую плату, просил за ней присматривать.

Она слегка «причесала» факты, понимая, что такая версия звучит куда более приемлемо, чем та, которую Михаил преподносил раньше. «Я точно помню, он твердил, что однокомнатная квартира у метро “Аэропорт” – это все, что уцелело после развода! Про какого-то там профессора и сдачу внаем я слышала только вчера!»

– Вот как. – Девушка явно растерялась, с нее разом слетел напускной апломб. Она брала и тут же снова осторожно клала на стол пачку сигарет, и в этом повторяющемся движении Елене почудилось что-то маниакальное, болезненное.

Присмотревшись к своей новой знакомой, женщина отметила нездоровую бледность ее лица, голубоватые тени под глазами, нервное подрагивание подбородка. «Или истеричка, или принимает наркотики. Она вообще больше похожа на девчонку с окраины, попавшую в

дурную компанию, чем на благополучную профессорскую дочку. Хотя что ей мешает быть и тем и другим одновременно?»

– Это вранье, – после краткого молчания, заявила девушка. Она продолжала постукивать по столу твердой картонной пачкой, ее пронзительный взгляд погас под опущенными длинными ресницами. – Папа действительно уезжал, но квартиру не сдавал и никаких денег с него не брал. А если просил присматривать, то не за квартирой, а за мной.

– Вот как, – в свою очередь, произнесла Елена, не зная, что еще сказать. Она уже не жалела, что согласилась на эту встречу, и твердо решила никому о ней не рассказывать. Михаил, до сих пор остававшийся для нее загадкой, и весьма интригующей, начинал представлять в новом свете, и разгадки, которые получала Елена, совсем ей не нравились. «Почему он все время лжет?!»

– Мне уже семнадцать, но папа до сих пор думает, что я ребенок, – произнесла эту фразу, Кира вдруг с силой сжала пальцы, раздавив пачку сигарет. Елена не могла поймать ее взгляда, но видела, что подбородок девушки дрожит все явственнее. Подрагивание распространилось и на губы. Женщина испугалась, что та закатит истерику, в голосе Киры звучали близкие слезы: – То есть думал... Никак не могу запомнить, что его уже нет.

И не успела Елена выразить соболезнование, как девушка огорошила ее прямым и грубым вопросом:

– Вы с ним спите? С Михаилом?

– Нет! – быстро ответила та и тут же выругала себя за податливость. – Хотя вам что за дело? Кем он вам приходится?

– Отцом!

Пауза затянулась. Елена спрашивала себя, не обманул ли ее слух. Кафе наполнилось до отказа, во многих окрестных учреждениях начался обеденный перерыв, а это место было популярно из-за дешевизны. Становилось шумно. У стойки бара выстроилась очередь, женщина увидела Люсю, которая заговорщицки подмигнула ей в ответ.

– А он, конечно, не говорил, что у него есть дочь? – издевательски поинтересовалась Кира, не дождавшись ответной реакции.

– Насколько мне помнится, однажды сказал, – осторожно ответила Елена, уяснив себе наконец, что слух ее не подвел. – А вы мне не объясните, почему называете отцами сразу двух мужчин?

– Очень просто! – Девушка попыталась выудить из изуродованной пачки хотя бы одну целую сигарету, но попытка не увенчалась успехом. Наконец, найдя половинку, она с ожесточением закурила. – Михаил мой биологический отец, а Вадим Юрьевич муж моей мамы. Она ушла к нему беременная, и я с рождения знала только его.

«Как бы встать и уйти? – размышляла Елена, попутно соображая, вправе ли был Михаил называть покойного профессора дальним родственником. – Не совсем вранье, но какое преувеличение! Нет, доверять ему нельзя. Ведь я же все чувствовала, не зря откладывала это проклятое романтическое свидание! Надо было довериться интуиции!»

– Вадим Юрьевич мне и имя дал. – Елена содрогнулась, увидев, что по бледным щекам девушки покатались долго сдерживаемые слезы. – А фамилию и отчество – нет, даже не подумал о том, что, раз он живет с мамой, надо на ней жениться. Я, когда узнала, что у меня мамина фамилия, а отчество почему-то «Михайловна», просто возненавидела его. Мама его защищала, говорила, что ей замуж совсем не нужно, но это она из гордости. На самом деле...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.